

Тори Риф

ПЕРВЫЙ/
ПОСЛЕДНИЙ

Тори Ру

Первый/последний

<https://litres.ru/74214843>

Аннотация

Влад запутался в токсичных отношениях и разрушает все вокруг себя. Эрика сбежала от прошлого и пытается собрать свою жизнь из осколков. У Эрики есть повод ненавидеть Влада, у Влада есть причина во что бы то ни стало с ней сблизиться. По прихоти судьбы они становятся однокурсниками. И самыми важными людьми друг для друга. Книга издана на бумаге.

Содержание

Глава 1. Эрика	4
Глава 2. Влад	10
Глава 3. Эрика	16
Глава 4. Влад	26
Глава 5. Эрика	32
Глава 6. Влад	37
Глава 7. Влад	44
Глава 8. Эрика	54
Глава 9. Влад	62
Глава 10. Эрика	70
Глава 11. Влад	78
Глава 12. Эрика	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1. Эрика

Страх — удушающий, парализующий, липкий — на деле всего лишь базовая эмоция, наша реакция на реальную или воображаемую опасность. Примитивный скил, доставшийся людям от далеких предков. Зато прощение — отказ от личной обиды и недобрых чувств к виновному — гораздо более сложный процесс.

Я усиленно работаю над избавлением от страха, но чем лучше справляюсь с этой задачей, тем отчетливее понимаю, что прощать не научусь никогда.

Потому что прощение — ненужная опция, развязывающая руки моральным уродам. А я всего неделю назад вырвалась из-под тотального контроля одного из таких.

В кармане оживает телефон. Привычно вздрагиваю, но на экране возникает фото улыбчивой мамы, и облегчение, смешанное с тоской, проступает слезами на ресницах.

— Алло! Как ты там, ребенок? В квартире точно есть все удобства?

— Да. Стол, холодильник, стиральная машина, микроволновка, прекрасный вид на зеленые насаждения! — заверяю я. — Я даже вняла твоему совету и обзавелась ортопедической подушкой.

— Сомневаюсь, что все настолько радужно... Эрика, это

вообще черт знает что!

— Все нормально. — Я упорно стою на своем, и мама вновь переходит в наступление:

— Как бы мне еще объяснить ситуацию родственникам и знакомым!

Я понимаю, кого она имеет в виду под «знакомыми», и огрызаюсь:

— Дети вырастают, прими это, мам. Многие уезжают учиться в другие города.

— Да, но вряд ли они сообщают родителям о своем намерении в самый последний момент! Кстати, Костя заглядывал. Тоже не находит себе места... — При упоминании этого имени к горлу подступает кислятина, и я, отвинтив крышку от газировки, щедро глотаю колючую воду. — Что ему сказать?

— Ничего не говори! Мой отъезд — не его дело! Перезвоню тебе позже, мам! — Я прерываю разговор, пока не разгорелся очередной скандал, прячу телефон в карман и, запрокинув голову, до рези в глазах любуюсь разлившейся над миром синевой.

Этот город намного меньше бешеной, вечно куда-то спешащей столицы — пятиэтажные серые домики грустят об уходящем лете, высокие деревья, благодаря безалаберности местной управы, щекочут густыми зелеными кронами небеса, черные птицы частицами сажки кружатся в кипенно-белых облаках.

Но царящую вокруг идиллию отравляет невыносимый стыд перед мамой: не каждый день единственная дочь звонит из несущегося на всех парах поезда и огорошивает, что поступила в провинциальный вуз и уехала. Навсегда.

Нас разделяют несколько суток пути и три часовых пояса. Тут даже воздух другой — мягкий, теплый и влажный, насыщенный запахом прелой травы, спелых яблок и хвои, но я все еще дергаюсь от любого окрика и звука шагов за спиной. Прошлое — навязчивыми мыслями, неясными тревогами, ночными кошмарами все равно настигает и выводит из равновесия. И застарелый уродливый шрам на шее и ключице, спрятанный под шелковым шарфом, начинает гореть огнем.

Этот шрам — повод для комплексов и гарантия, что никто из парней не захочет иметь со мной ничего общего. Так говорил мой лучший друг Костя. Когда мне было пятнадцать, именно он плеснул мне на грудь кипятком...

В тот день мы как обычно тусили у него в комнате, смотрели сериал и трепались о героях, и я, по-тупому забывшись, проболталась, что запала на исполнителя главной роли. Костя улыбнулся, предложил чай, свалил на кухню и долго гремел там посудой. Вернулся с нагруженным чашками подносом, неловко оступился, и случилась беда... В ожидании скорой он плакал и клялся моей маме, что сделал это нечаянно.

Потом Костя каждый день приходил в больничный двор, торчал на лавочке под окнами и пытался меня развеселить,

а когда рана затянулась, и мне разрешили вставать, гулял со мной по осенним аллеям, бережно придерживая под локоть.

Он был вполне мил, только вот на подкорке отпечатался его пристальный волчий взгляд, устремленный на меня в тот момент, когда тонкая струйка крутого кипятка медленно и мучительно выжигала кожу.

«До вечера, золотая! — из мутной памяти всплывают прозрачные глаза за стеклами очков, широкая пустая улыбка, толстые пальцы, сложенные в сердечко, и фраза, выдавленная сквозь сведенные челюсти: — А если задержишься где-нибудь после музыкалки, из-под земли достану и за ноги приволоку...»

Некоторые девочки наивно полагают, что персональный сталкер — это романтично. Но когда пухлый конопатый сосед по лестничной площадке и школьной парте, закадычный друг, с которым вы все детство гоняли на великах, воровали на дачах яблоки и соревновались в харкании на дальность, вдруг ставит тебя перед фактом, что давно пылает к тебе любовью и собирается сделать матерью его пятерых детей, ты испытываешь нехилый шок и не можешь подобрать слов...

Этим признанием Костя осчастливил меня в мае, сразу после школьной линейки.

Я отшутилась, прикинулась дурочкой и с тех пор старалась избегать эту скользкую тему, да и самого Костю, но наши мамы — лучшие подруги — постоянно лезли в душу и

настаивали на общении. Нам предстояли экзамены и поступление в вуз, и впереди замаячили нарисованные Костей перспективы совместного будущего, прожитого под его диктовку.

Он в пух и прах раскритиковал мое выпускное платье и занялся поисками более скромного и консервативного. Выбрал для нас подходящий универ — с профильными дисциплинами, в которых разбирался на отлично, а я «плавала». Ежедневно мониторил мой телефон и электронную почту. Медленно и методично перекрывал кислород.

В конце июня начался форменный ужас: преследования, звонки, угрозы... И кулаки. Пухлый добрый ботаник Костя, знавший ответ на любой вопрос, вдруг превратился в психопата, слетавшего с катушек с полуслова, произнесенного «неправильным» тоном.

Набираю в легкие побольше нового воздуха и ускоряю шаг.

Теперь все позади. Теперь у меня есть комната, где мебель и предметы расставлены так, как удобно мне. На полках поселились бесполезные, но красивые сувениры, на столе возник легкий творческий беспорядок, а на подоконнике расцвела купленная в цветочном магазине орхидея, один лишь вид которой вызывал у Кости насморк и безудержный чих.

Поравнявшись со сломанной скамейкой у старого кирпичного дома, подзываю к себе дремлющего на досках кота и с удовольствием запускаю пальцы в рыжую, нагретую солн-

цем шерсть.

Я имею полное право гладить ласкового уличного зверя, забив на риск подхватить блох или опаснейший стригущий лишай. И даже если подхвачу — это станет только моей проблемой.

Я безнадежно опаздываю на долгожданную встречу с новой знакомой — Диной по прозвищу Кнопка, но обретенная свобода опьяняет и вдохновляет на шалости.

В восторге тискаю мурчащего кота, представляю перекошенную брезгливой яростью физиономию Кости и хихикаю как ненормальная.

Глава 2. Влад

Телефон беспрестанно жужжит на прикроватной тумбочке, но я не в силах оторвать голову от подушки — почти не спал ночью и теперь чувствую себя похуже разбитого унитаза.

Это точно Кнопка, больше никому. А ее «неотложные, важные и срочные» дела могут и подождать.
«Бездушный. Наглый. Отмороженный! Ты не способен взять на себя ответственность даже за тех, кого приручил!» — любит повторять моя матушка.

— И слава богу! — соглашаюсь с ней я.

Я искренне считаю себя моральным уродом, но Кнопка уверяет, что мой диагноз называется нарушением привязанности. Якобы я подсознательно избегаю эмоциональной близости, хотя вполне могу быть любящим и искренним.

Херня. Не могу.

Даже не пытаюсь казаться.

Зато умело создаю видимость безобломного, успешного и самодостаточного типа — дружу одновременно со всеми и ни с кем, сорю деньгами направо и налево, ношу брендовый шмот и даже с высоты своего скромного роста сияю над серой массой скучных обывателей.

Но единственное достижение, принадлежащее мне по праву, — зачисление в вуз. Я демонстративно пренебрег

протекцией матушки, назло ей подал документы в самый непрестижный и каким-то чудом поступил. И пока не знаю, что с этим делать.

Как бы там ни было, до начала занятий остались считанные дни, и я собираюсь отрываться. Благо в городе гремит ежегодный фест — грандиозное мероприятие, завершающее лето.

У его истоков стоят ребята из нашей банды.

Десять лет назад четверо безбашенных парней-диджеев открыли клуб «Черный квадрат» — арендовали небольшое помещение в границах промзоны, оборудовали в нем барную стойку, танцпол и сцену и каждую субботу устраивали жаркие рейв-пати, ставшие легендарными. Впоследствии «отцы-основатели» повзрослели, нацепили галстуки и слились, остался лишь Дэн — и он сплотил вокруг себя всех креативных и талантливых людей города и окрестностей. У нас в почете граффити, музыка разных направлений, уличные танцы. Фестиваль посвящен именно им.

Я тоже всю жизнь чему-нибудь и как-нибудь учился и даже, кажется, о многом мечтал...

Сейчас я завожу публику развеселыми плясками на диджейский сетах Дэна, а еще — обеспечиваю ему информационную поддержку (благодаря моей находчивости и смазливой роже мы имеем сотню тысяч подписчиков в соцсетях).

— Знаешь, в чем твоя главная проблема, аристократ? — однажды выдала базу Кнопка. — Ты ведешь себя как столет-

ний дед, которому ставят прогулы на кладбище. Ума не приложу, что тогда умудрилась в тебе разглядеть...

— Я и сам удивляюсь, Дин... — вздохнул я в ответ.

Три года назад мой отец — обладатель внушительного капитала, известный в области бизнесмен и меценат, — впечатался на джипе в отбойник.

Случившееся он перенес вполне спокойно — лежал себе неподвижно, сложив на груди бледные руки, а мы с его «ненаглядной и любимой» Анжелочкой убивались у гроба в полнейшей уверенности, что вместе с его жизнью закончились и наши.

Те дни стали началом длящегося кошмара.

Я не знал, как избавиться от шока, ярости, омерзения и раздирающей ребра боли, чем упороться, чтобы перестать мыслить и существовать. Как по наитию, забрел в парк на звуки мощного рейва, забурился в толпу под сценой, раскинул руки и... взлетел. Словно ничто не придавливало к земле. Словно я был свободен и счастлив.

Я никогда не занимался танцами профессионально и поначалу не разбирался в стилях — просто нырял в музыку и жил в ней...

Мелкая конопатая девчонка примерно моего возраста выцепила меня из слэма, схватила за руку и увела за сцену.

— Чел, ты плачешь. — Она без всяких сантиментов вручила мне платок и представилась: — Кнопка. Ты отлично владеешь телом, чувствуешь посыл и выглядишь как бог.

Присоединяйся к нам.

Она замолвила за меня словечко перед великим и ужасным Дэном, и я остался в тусовке.

Заводить публику — моя почетная обязанность, сеанс релакса, терапия. Смысл моей жизни. И сегодня я должен быть там.

Матушка не в восторге от этого увлечения и ребят из компании и, если я задержусь или заявлюсь домой пьяным в слюни, точно вынесет мне остатки мозгов. У бедной женщины вообще проблема с причинно-следственными связями — она все никак не может взять в толк, что напиваюсь и возвращаюсь под утро я только потому, что не желаю находиться в ее обществе.

Да она и сама не святая — накатив в каком-нибудь заведении пару бокалов вина, обожает названивать мне, доставать из-под земли и ныть: «Влад, забери меня отсюда, Влад, сядь за руль, Влад, прикури сигу...» Хотя я отродясь не курил и не имею водительских прав.

Отбрасываю пахнувший лавандой плед и, матерясь, встаю с кровати. Телефон снова оживает — подношу его к уху и зажмуриваюсь от мучительно-громкого голоса Кнопки:

— Дрыхнешь, аристократ? А ребята уже давно выдвинулись в парк. Фима вообще с самого утра пашет как проклятый. Погода отличная, планов громадьё... — Меня не интересуют ее планы, но девчонка не оставляет шанса вклиниться в ее пламенный монолог, и мне приходится покорно слу-

шать. — Да, Влад, большущая просьба... Не заикайся сегодня про бабки, плиз. Я скоро все тебе верну. Знай: они пошли на благие дела.

— Вопросов нет. Возвращать не надо! — Деньги не являются для меня проблемой, потому что в избытке водятся у Анжелы, а для Кнопки мне их и подавно не жалко. — Сейчас приеду. Без меня не начинать!

Бреду на кухню, по пути осторожно заглядываю в открытую комнату матушки — в проеме виднеются смятые простыни и кружевной лифчик, сиротливо висящий на спинке стула, но самой Анжелы нет. И я неистово рад, что в этот субботний день она тусуется со своим коучем по личностному росту, кормит его в ресторане и поит дорогим кофе — лишь бы он отпустил ей грехи. Но Энджи прекрасно знает, что грязь из ее души не вытравит даже опытный экзорцист.

Лопаю оставленный на плите завтрак — недосоленный, с привкусом пластика, топлю пустую тарелку в раковине с мутной водой, а потом долго стою под холодным душем и понемногу прихожу в себя.

Надеваю широкие джинсы и «счастливую» футболку с принтом на спине в виде крыльев — это футболка отца, и в ней мне всегда везет. Напоследок дьявольски обворожительно улыбаюсь отражению в зеркале и до бровей натягиваю черную шапочку.

Кончики пальцев покалывает адреналин, а сердце зудит — от предвкушения иллюзорной свободы и возможности

оторваться от земли хотя бы на длину поводка.

Глава 3. Эрика

После выпускного на почве контроля у Кости окончательно съехала крыша, однако мама с блаженной улыбочкой продолжала повторять, что мальчик, конечно, волнуется и ревнует, но мы с ним все равно идеально друг другу подходим. Он переступил черту и не собирался останавливаться, но помощи ждать было неоткуда. И я осознала: надо бежать.

Вот только куда и как?..

Отчаяние и поисковые запросы привели меня на форум жертв домашнего насилия — там я и узнала, какие «прелести» таит в себе загадочное слово «абыюз».

Сначала я просто читала чужие истории, находя в них неожиданные параллели и ответы на насущные вопросы, но после очередного приступа необоснованной агрессии и свиста кулака возле уха решила пойти на контакт и разместила длинный пост о своей беде.

На следующий день мне написала девчонка по имени Дина. Кнопка — так она попросила себя называть.

Мы общались на разные темы — в основном она рассказывала о себе, увлечениях и друзьях, а я с ужасом осознавала, что за всеми моими делами, начинаниями и планами всегда, всю жизнь, стоял Костя. Кнопка говорила, что не стеснялась с насилием лично, но тема явно задевала ее за живое. Она вывела меня на откровенность — без сочувствия

и осуждения, без сюсюканья и давления, и примерно через неделю я смогла открыто попросить о помощи.

Спасательную операцию мы проворачивали в атмосфере строжайшей секретности — Кнопка подала идею сбежать в ее город, расхвалила провинциальный быт и подыскала подходящий универ. Оформила на свое имя сим-карту и выслала срочным курьером, с помощью неведомого доброго человека на полгода сняла для меня квартиру, скинула координаты хозяйки и сказала, что спонсор любезно согласился подождать с оплатой долга.

Приходилось по сто раз на дню подчищать историю браузеров, приторно улыбаться Косте, соглашаться с любыми бредовыми идеями и всячески пускать пыль в глаза — к счастью, он был занят вопросами нашего поступления в вуз и фатально ослабил бдительность.

Не спорю, предложение незнакомки могло показаться подозрительным, но для меня — загнанной в угол и скованной ужасом — было единственным выходом. Я заставила себя поверить в чудеса и, получив от нее электронный билет в один конец, в назначенное время вошла в вагон.

По правде, я до сих пор улавливаю фантомную признательность Косте — за майского жука в коробке, за горсть вишен в мальчишеской ладони и его разбитые коленки после падения с дерева, за воздушные шарик в день рождения, за увлекательные рассказы о космосе. Костя всегда помогал мне с уроками и домашними делами, таскал по кино и му-

заям, давал советы и направлял, но такая забота мешала дышать.

А потом лучший друг умер. Умер от невыносимой боли под струей кипятка.

Может, я была недостаточно хорошей для него и сама его погубила...

Здесь, в безопасности, я намеренно хожу на дальние расстояния — учусь ориентироваться на местности, прокачиваю бесстрашие и выискиваю красоту в мелочах. Но растрескавшийся асфальт старых дворов внезапно заканчивается, путь преграждают заросли вербы, и подозрение оформляется в уверенность — навигатор сбился с маршрута.

Владения моего нового приятеля — рыжего кота — остались далеко позади, жилой микрорайон сменился заброшками, за кустами простирается поле санитарно-защитной зоны, а слева возвышается серый бетонный забор, поросший травой и исписанный яркими граффити с упадническими лозунгами:

«Жизнь — боль, в ней смысла ноль».

«Давай, расскажи Богу о своих планах».

«Никто не умрет девственником — реальность всех понимает».

«Будет ли, молю, скажи мне,

будет ли хоть там, куда

Снизойдем мы после смерти, —

сердцу отдых навсегда?»

И ответил Ворон:

«Никогда».*

— Как же ты прав, незнакомый брат по разуму!.. — Я провожу пальцем по последнему слову и невесело улыбаюсь: — Ну... Или сестра.

Завывания ветра и буйство кислотных красок на руинах цивилизации затягивают душу в воронку привычной беспомощности, и я ощущаю легкую поступь паники.

«...Ты не справишься без меня...»

Лезу в рюкзак, судорожно расправляю скомканный бумажный пакет, зарываюсь в него лицом и глубоко дышу.

Из-за этого мудака Кости приступы удушья стали моими постоянными спутниками — он диктовал правила, запугивал, унижал, но, как говаривала Кнопка, «черта с два он меня победил»!..

Выкручиваю столбик помады и размашисто черчу на изъеденном временем бетоне:

«Соберись, тряпка. Соберись и иди дальше».

Заплыв ко дну эмоциональной ямы прерывает Кнопка — в миллионный раз звонит и истошно орет в трубку:

— Эрика, ты когда-нибудь предстанешь передо мной во плоти или я так и состарюсь в ожидании встречи? Где ты? Какой еще на хрен забор? Поздравляю, ты заблудилась в трех соснах! — Кнопка шокирует манерами сапожника, и я на миг подвисяю: не привыкла к такому бесцеремонному обращению.

К счастью, из кустов выныривает бабушка с огромной клетчатой сумкой наперевес, и я подбегаю к ней, умоляя указать верный путь.

— Эрика, я тут! — От кованых парковых ворот отделяется низенькая конопатая девчонка и коротко машет рукой, но, вместо того чтобы броситься к ней на шею, я отчаянно торможу — замираю в паре метров и пялюсь на человека, спасшего меня от беды.

На ней широкие брюки и клетчатая толстовка оверсайз, медные волосы собраны в хвост на макушке. Я представляла ее дерзкой, решительной и крутой... А этот хрупкий ребенок и сам нуждается в защите.

Но где-то внутри тщедушного тела Кнопки запрятан стальной стержень — она не испугалась здорового хряка Костю, вдохновила меня на поступок и показала, что мир — вовсе не такой уродливый, каким он его рисует. Стоит признать: наша встреча стала возможной только благодаря чуду, и девчонка тоже растерянно хлопает глазами.

Происходит невозможное — я даю волю слезам. От застарелой скорби и внезапно вспыхнувшей радости кривятся губы.

— Гребаный ПТСР. Как же вы меня достали, ребята... — бубнит Кнопка и, подскочив ко мне, дергает за рюкзак: — Хватит распускать нюни, ты не для этого сбежала от своего придурка. У нас намечен приятный вечер и культурная про-

грамма!

Она вручает мне влажную салфетку, проводит к пластиковым столикам летнего кафе, приносит пиццу и безалкогольное пиво и, подперев подбородок ладонью, принимается выспрашивать подробности:

— Как отреагировал упырь? Уже знаешь?

— Страдает и не понимает, за что я с ним так обошлась...

— С удовольствием потягиваю прохладную жидкость и ухмыляюсь: Костя считал пиво пойлом для нищевродов, и я никогда его не пробовала.

— Переживет, — удовлетворенно кивает Кнопка. — Мать точно тебя не сдаст?

— Я не сказала ей, куда именно еду...

Девчонка одним глотком ополовинивает свой стакан, шмыгает носом и довольно скалится:

— Отлично. Теперь ты обязана быть счастливой. Если предашься унынию и надумаешь вернуться к упырю, точно станешь причиной моей смерти! Но знай: так просто ты от меня не отделаешься. Я даже тогда явлюсь к тебе и вправлю мозги!

— Оттуда не возвращаются, Кнопка.

— Значит, подошло к тебе того, кто их вправит...

Шутки Кнопки весьма специфические, но я громко смеюсь вместе с ней. Слезы высохли, в груди теплится робкая надежда на лучшее, впервые за долгое время хочется жить.

— Спасибо за все, Дин. Чем мне тебя отблагодарить?

— Ничем. — Скрыв за стеклянным донышком смущение, она допивает пиво, оставляет поднос и озорно подмигивает: — Мне достаточно очередного плюсика в моем списке спасенных душ. Надеюсь, когда-нибудь там появится и еще один...

Мы гуляем по старому парку — древние дубы исполинских размеров тяжело вздыхают над головой, между необъятными стволами трепещут растяжки разноцветных флажков. Разморенные последним теплом горожане толпятся в очередях к аттракционам и палаткам с мороженым или отдыхают в поросших хмелем беседках.

В этом сонном городке течет на удивление бурная жизнь: мальчишки-художники окружили пустой, снятый с рейса автобус и, ловко орудуя баллончиками, наносят на стенки железного монстра абстрактные образы и яркие надписи. В вечернем воздухе витает химический запах краски.

— Потом автобус пустят на линию, — поясняет Кнопка. — Будет напоминать жителям о празднике.

Вдоль тротуаров тянутся расцветенные золотыми гирляндами палатки с картинами, кастомизированными шмотками и украшениями ручной работы, а где-то в глубине сгустившихся сумерек ревет рейв, его басы и бит учащают биение сердца.

— Это комьюнити стало для нас смыслом существования. А фест — наше главное детище! — Глаза Кнопки сияют ти-

хим светом, и я осторожно, по молекуле, впускаю в себя волшебную атмосферу августовского вечера.

По мере приближения к сцене музыка звучит громче, на гигантских экранах ритмично вспыхивает и гаснет психоделический видеоряд. Внизу собралась местная молодежь — кто-то пританцовывает, кто-то стоит столбом и заворуженно глядит на диджея.

Кнопка тянет меня в середину танцпола, но я яростно протестую:

— Ты иди, я отсюда послушаю... — И, нарвавшись на ее тяжелый взгляд, временно остаюсь без компании.

Сет диджея заканчивается, ведущий с длинными красными дредами объявляет следующего:

— Диджей Дэн! Давайте пошумим!!!

Дэна встречают как бога, он занимает место у пульта, и на публику обрушивается вся звуковая мощь исполинских колонок.

Лазеры и огни прожекторов хаотично разрезают пространство, басы ухают в желудке, по спине пробегает дрожь. На всякий случай оглядываюсь, но позади вижу лишь сплетенную в объятиях парочку и прогоняю паранойю.

Когда-то в далеком детстве мне нравилось танцевать, но, много лет пряча «неправильные» эмоции и порывы, я превратилась в замороженную мясную тушу и ничему не позволяю себя увлечь.

Больше нет необходимости ходить по струнке, ждать чье-

го-то одобрения или упрека, но открывшаяся свобода вдруг превращается в растерянность и одуряющее одиночество...

На сцену выпрыгивает парень в просторной белой футболке с изображением крыльев на спине и мгновенно привлекает к себе все внимание. Он движется в такт музыке — то резко, то плавно, умело соединяет стили, импровизирует и выдает такого огня, что даже я ощущаю его неумную энергию волосками на коже.

То, что он делает, кардинально отличается от многочасового разучивания гамм, которое Костя называл моим увлечением и всячески поощрял.

Толпа заводится и пускается в пляс, смешивается в безудержном слэме, а огромные экраны транслируют лицо парня, будто подсвеченное изнутри, и его абсолютно счастливую улыбку. Раскатами рейва, волнами беснующейся молодежи, трепетом черных листьев в кронах деревьев и неумолимым ходом времени управляет не маститый диджей, а вот это невесомое существо с крылышками, витающее в неизвестных мирах...

Я растворяюсь в битах и семплах и забываю о мучительной вине, отравившей мое прошлое. Нет навязанных рамок. Нет злости и боли. Я — это я, и умею дышать полной грудью.

Тонкие пальцы танцора складываются в сердечко и изображают его биение. Он улыбается, тяжело дышит и смотрит на меня.

В закружившейся голове разлетаются остатки связных

мыслей.

Это приглашение...

Приглашение на казнь.

Дурнота подступает к горлу и давит на виски, я отворачиваюсь и быстро покидаю танцпол. Достāju телефон и, промываясь мимо нужных букв, на ходу набираю Кнопке сообщение, что подожду ее у поста охраны.

* Здесь и далее: Эдгар Аллан По, поэма «Ворон» (пер. Д. Мережковский).

Глава 4. Влад

— Диджей Дэ-э-эн! — истошно орет в микрофон Фима — наш конференсье и по совместительству техник, грузчик и водитель. Зубодробительно-мощный сет Дэна заканчивается, разгоряченный народ нестройными рядами тянется к чугунным воротам парка. Пульс замедляется, действие адреналина сходит на нет, и я с прискорбием осознаю, что мышцы налились свинцом, суставы ломит, а дышалка сдохла. Теперь минимум три дня я тоже буду подыхать...

Сегодня я отработал на пределе возможностей, но вожаденной пустоты в голове так и не добился — помешала незнакомая девчонка из толпы.

Обычно я не различаю лиц людей на танцполе и не заостряю на них внимание, а тут зацепился за синий взгляд и почему-то самоуверенно решил, что смогу ее развеселить.

Наивный...

Шикарные девочки становятся сговорчивыми только при виде толстой пачки кеша, но я из принципа не засветил бы при ней свой бумажник.

Спотыкаясь и держась за картонные перегородки, на полусогнутых сваливаю за сцену, вытаскиваю из кармана шапочку и вытираю ею щеки и лоб. По спине течет пот. Футболку хоть выжимай.

Выныривать в рутину — так себе перспектива, к тому же

кто-то очень кстати вручает мне наполненный до краев пластиковый стаканчик.

Узнаю в благодетеле Пашу — одного из наших звукачей, — с благодарностью принимаю угощение и залпом заливаю в глотку.

На выходе топчутся размалеванные девахи — тянут руки, визжат и, сложив скорбными домиками брови, клянутся, что я — настоящий король техно-рейва.

Ноги превращаются в вату, а язык — в гребаное помело: — Влад Болховский к вашим услугам! Леди, приглашаю вас в «Черный квадрат». Напитки за счет заведения... — Отвешиваю им галантный поклон и, покачнувшись, едва не пропахиваю носом рыхлый чернозем. Кнопка — наша звездочка, наш талисман, наш сладкий сахарный пончик... во-время сгребает мое худое тело в охапку и решительно уводит от позора.

— Да, аристократ, наверное, тяжело жить совсем без мозга... — сокрушается она. — Сам за них заплатишь, понял?

— Вот за что ты так со мной, Дин?.. Дамы ведь близки к истине! — Я порываюсь в сотый раз поведать любимую байку моего деда о наших предках дворянских кровей, некогда сосланных в Сибирь, но Кнопка посылает меня еще дальше и подтаскивает к краю парковки.

— Хочу кое-кого тебе представить! — в привычной, не терпящей возражений манере объявляет она, и я великодушно киваю:

— Окей.

Случайных знакомых у меня миллион, и я не нуждаюсь в новых.

Но нас с Кнопкой связывают крепкие доверительные отношения разумной сестры и непутевого брата, и нет желания лезть на рожон, спорить с ней и полночи выслушивать нотации о хороших манерах. Хотя... дурость я усмиряю в большей степени потому, что наш демиург Дэн — реальный старший брат Кнопки, и его гнева я по-настоящему побаиваюсь.

— Влад! — степенно представляюсь загадочной темноте, из нее проступает силуэт высокой худой девчонки и синий строгий взгляд, мгновенно прочитавший меня, как открытую книгу.

— Эрика. — В тихом голосе явственно слышится сталь.

Пожимаю тонкие бледные пальцы, и кожу обдаёт дыханием сухого льда. Отдергиваю руку, прячу в карман и отшатываюсь.

Вот ни фиги ж себе...

Я отваливаю в сторонку и некоторое время искренне переживаю из-за того, что опять не произвел нужного впечатления. Никчемный. Да еще и пьяный...

Дэн крепко обнимает меня, Фима угощает пивом, и я плыву на волнах умопомрачительного, запредельного, чистейшего счастья, но только до тех пор, пока в кармане не ожиает телефон.
Я тут же трезвею — не телом, мозгами.

Не нужно смотреть на экран, чтобы понять, кто вспомнил обо мне в столь поздний час.

— Да, алло?.. — огрызаюсь, и из трубки вылезают липкие черные щупальца хтони, вытягивающей все силы и лишаящей надежды и радости:

— Влад. Где ты бродишь? — Собираюсь наврать ей с три короба и не появляться дома до утра, но поводок натянут так крепко, что я без сопротивления сознаюсь, что еду в «Квад-рат».

— Мне страшно в пустой квартире, Влад. Ты что, оставишь меня одну?

Я матерюсь и тяжело вздыхаю:

— Не оставлю. Буду часа через два...

Нажимаю на сброс, в потемках шагаю к раскрытой двери старенькой «Газели», но земля уезжает из-под ног, и я со всего маху хлопаюсь на бок.

...Нажрался. Как последняя скотина... Да я такой и есть.

Рывок, я снова на ногах.

В теплом салоне.

С банкой пива в ладони.

В назойливых объятиях девчонок.

Синие глаза заглядывают прямо в душу, словно чего-то от меня ждут, но я лишь глупо улыбаюсь. Они обжигают холодом, отдаляются и меркнут во мраке ночи, а я упираюсь лбом в пыльное дребезжащее стекло и невыносимо тоскую по ним...

Сознание мерцает огоньками стробоскопа: девки, дорожка из шотов на барной стойке, Кнопка с какой-то навязчивой просьбой, снова девки, пробел, зеленая подсветка приборной панели такси...

— Ты напился... Непутевая мразь... Ничтожество. Бесовестный урод... — Она сдирает с меня грязную одежду, наотмашь хлещет по щекам, тащит в ванную и до упора выворачивает оба крана. Сбрасывает с себя шелковый халат, намертво прилипает холодным жестким телом к моему — разбитому и уставшему, требовательно выпячивает пухлые губы и ждет — секунду, час или год...

Пьяный мозг коротит от разъедающей все живое ненависти — я засасываю ее с языком, подхватываю на руки и, силя локтями углы, несу на кровать.

В душе разверзается черная дыра из отчаяния и безысходности, в желудке распухает тошнота, запах лаванды отдается болью в висках.

— Ты нужен мне, только мне, слышишь... Ты никто без меня, а я умру без тебя, никогда не смей об этом забывать...

Мне до одури паршиво, но она прикусывает мое ухо, проводит пальцами по животу, и предательски срабатывает стояк.

Она залезает на меня, хрипло дышит, извивается, словно одержимая бесами, а под занавес бьется в смертельных конвульсиях, громко стонет, всхлипывает и шипит.

Во мне обрывается до предела взведенная пружина. Наступает облегчение. И избавление.

Она опутывает руками мою шею и мгновенно засыпает — с вечера изрядно перепила.

Я тоже вырубаясь — в гостях у Морфея мне будет гораздо лучше.

Этот сон похож на обморок.

Глава 5. Эрика

С тех пор как я здесь очутилась, меня преследует ощущение нереальности происходящего.

На часах почти одиннадцать, нормальные люди надевают пижамы и ложатся спать, а я — в тысячах километров от родного дома, в компании едва знакомых парней и девчонок трясусь на заднем сиденье раздолбанного микроавтобуса, а за окнами проплывают темные дворы и ярко освещенные улицы чужого города.

Мы едем в «Черный квадрат» — водитель с длинными красными дредами сосредоточенно вертит руль, Денис, оказавшийся старшим братом Кнопки, разливает напитки и передает их в глубину салона, а Влад, возлежащий на пышном бюсте нетрезвой девахи, безудержно пошлит, и ее подружки хохочут.

Стоит признать: дурацкие шутки веселят и меня — чтобы не спалиться, прикусываю изнутри щеку и напускаю надменный вид.

В груди тесно и жарко от победного крика, рвущегося наружу. На мне непозволительно короткая юбка и пыльные балетки, распущенные волосы спадают по спине и плечам.

Шальная мыслишка сделать фото и оправить его Косте кажется весьма занятной — разбитый об стену кулак и бессонная ночь бедняге точно будут обеспечены. Но я отдаю себе

отчет, что мой порыв продиктован зависимостью — она все еще сильна. Дьявольски выверенный план Кости и так нарушен: сегодня ко мне прикоснулся другой — красивый, как модель с картинки пиратского фотостока, безбашенный, яркий, свободный. Руку все еще покалывают разряды электричества, в ушах шумит, и кружится голова.

Возможно, так действует настоящее нефilterованное пиво, остатки которого плещутся на дне нагретого ладонью стаканчика. Или снова виноват этот парень и наша затянувшаяся игра в гляделки.
Обнаружив меня на сиденье напротив, он заткнулся на полуслове, покраснел как рак и теперь молча пялится — прямо из могучих объятий своей пышнотелой спутницы. Я храбро пялюсь в ответ.

У него чуть вздернутый нос, острые скулы, темно-русые растрепанные волосы и по-детски восторженная улыбка. А еще — сияющие, серебристо-серые глаза, обрамленные длинными ресницами. Но в их непостижимой глубине застряла смертельная тоска.

По спине пробегает дрожь: собственное бледное отражение из зеркала смотрит на меня точно так же.
Деваха, взявшая Влада в оборот, протягивает ему свой стакан и с придыханием интересуется:

— Как вы набрали столько подписчиков в паблик? Я три года занимаюсь быути-экспериментами, а все никак не раскручусь.

Влад отпивает щедрый глоток, высвобождается из ее пле-

на и усмехается:

— Все просто, детка: купил в даркнете логин и пароль от страницы блогера-миллионника и разместил на стене признание в любви к творчеству диджея Дэна. Пост провисел всего час, но теперь о нас знают далеко за пределами области! Правда, потом пришлось умолять его менеджера забрать заявление из ментовки.

Дэн одобрительно кивает и, подавшись вперед, чокается с Владом стаканчиками. Тот сияет, как медный пятак.

Он авантюрист, полный отморозок, с ним все не так...

Но это лучше нагромождения рамок и правил, и инструкций, расписанных с точностью до граммов и минут.

Внезапно из подсознания выскакивает флешбэк — толстые пальцы, сложенные сердечком, лощеная физиономия Кости, растянутая в плотоядной ухмылке, и шепот:

«...Классно выглядишь, золотце. Очень удачный аксессуар...»

Дергаюсь и рефлекторно поправляю край шелкового шарфика — он и сейчас на мне. Тот же самый...

Контакт с Владом прерван, зрение в панике цепляется за его изящное запястье, и звериный ужас ослабляет хватку. В его жесте-сердечке, адресованном мне со сцены, не было ничего зловещего. Только флирт, позитив и лучи добра.

В солнечном сплетении разливается нежное трепетное тепло...

Все же алкоголь — весьма странная штука, он развязы-

вает руки мечтам, и я вдруг отчетливо представляю, каким умопомрачительным мог бы быть наш роман. Если бы Влад предложил, я бы, не раздумывая, согласилась даже на мимолетную интрижку.

Пышногрудая девушка снова передает Владу пиво, но Кнопка, до этого безучастно втыкавшая в окно, внезапно взвизгивает:

— Влад, тебе хватит! Ты же собираешься ночевать дома...

— Она пытается забрать у него стакан, но тот отмахивается и неожиданно резко огрызается:

— Дин, не лечи! Это не твое дело!

Девки хихикают, Денис красноречиво зыркает на своего дружка.

— Придурок! — выплевывает Кнопка и нервно откидывается на спинку сиденья. А я перехватываю ее взгляд — разочарованный и безнадежно, на грани отчаяния, влюбленный.

На мгновение замираю, и осознание выхолаживает грудную клетку ледяным сквозняком.
 Он дорог ей... Не как друг.

Закусываю губу и отворачиваюсь. Поперек горла встанет горькая, приправленная досадой вина.
 Снаружи, у развалин промзоны, протянулась та самая бетонная стена с граффити и орущими от боли фразами:

«Давай, расскажи Богу о своих планах».

Шрам нестерпимо зудит под шарфом. Шрам, который все

равно помешал бы интрижке...

Все, чего я сейчас желаю, — намазать его кремом, принять душ и, обмотав полотенцем волосы, залезть под мягкий плед. Позвонить маме и удостовериться, что она в порядке. Почитать пару глав новой книги и до утра забыться сном...

— Останови! — выкрикиваю я, и красноволосый, испуганно оглянувшись, давит на тормоз. — Мне нужно домой. Кажется, я не выключила утюг!

— Гребаный ПТСР, — удрученно вздыхает Кнопка, и в оловянных глазах придурка Владика вдруг возникает пристальный настороженный интерес. — Отсюда на пятом автобусе. Точно доберешься до места?

— Все будет окей, — заверяю подругу и, надавив плечом на дверь, вываливаюсь в прохладную ночь.

Посреди запустения торчит ярко освещенная остановка, под фонарем в ожидании общественного транспорта толпится народ. Ума не приложу, откуда тут эти люди, но тоже встаю под пластиковый козырек и мучительно всматриваюсь в номера на табло.

Бесспорная заслуга Кости лишь в одном — он научил меня легко отказываться от того, что в моменте было важным. И сейчас нет причин о чем-то сожалеть.

Этот ангел в грязной футболке... показал мне всего лишь иллюзию свободы, потому что сам ни черта о ней не знает. Неприкаянный дурачок, не замечающий ничьих чувств.

Глава 6. Влад

Сначала включается навязчивая тревога, потом — мутный стыд, ломота в мышцах и всепоглощающее желание сдохнуть.

Голова раскалывается. Болит все тело, губы потрескались из-за жесточайшего сушняка. От шелковой простыни исходит ледяная прохлада, опостылевший запах лаванды провоцирует тошноту.

Разлепляю веки и с трудом фокусируюсь на предметах.

Белый ажурный комод с частоколом пузырьков и флаконов, венский стул, торчащие из шкафа кружева...

— Твою мать...

За окнами пасмурно, но тусклый свет, отраженный зеркалом, совершенно невыносим.

В дверном проеме появляется Анжела:

— Очнулся, герой? Вставай, кофе готов.

На ней узкая юбка, лифчик, и больше ни черта нет. Когда-нибудь моя переполненная дерьмом башка точно взорвется от ненормальности происходящего.

— Почему я тут? — хриплю, как старая половица, и Энджи усмехается:

— Ты дома. Вчера я прислала за тобой такси.

— Я предпочел бы проснуться в аду...

Формально каждая комната этой просторной квартиры

продолжает оставаться моим домом, за что я по гроб жизни должен быть благодарен Анжеле. Но я — существо подлое и не помнящее добра — при любом удобном случае сваливаю к друзьям или к деду — в грязную коммуналку в трех кварталах отсюда.

Дед пьет как не в себя и давно уверовал, что является самым настоящим князем. И если бы Энджи не оформила на меня опеку после того, как отец пораскинул мозгами в своем джипе, я бы непременно загремел в приют.

— Завязывай бухать, мой родной... — Матушка набрасывает на плечи алую блузку и медленно, со смакованием, до ключиц застегивает мелкие пуговицы.

— Ты тоже, — от души советую я. — Иначе начнешь гонять чертей, как Князь, и больше не сможешь быть лицом своих салонов...

— А ты, кто ты там... танцор гоу-гоу... много понимаешь в этой жизни, да? — Сегодня она умиротворена, и привычного потока оскорблений не следует.

— Благодаря тебе я понял все. Спасибо, мамочка.

Хмыкнув, Анжела выпархивает на кухню, и оттуда доносится аромат свежесваренного кофе — единственного, что сейчас способен принять мой убитый организм.

Приподнимаюсь на локтях, взлохмачиваю волосы на макушке, матерюсь... И падаю обратно.
Повторная попытка борьбы с гравитацией оказывается более успешной — принимаю вертикальное положение, натягиваю заботливо

оставленную Анжелой футболку и, шатаясь, подхожу к зеркалу.

Там обретається иссиня-бледный, смахивающий на зомби чувак: растрепанные патлы, больше похожие на гнездо, дурные глаза оттенка воды из придорожной лужи и такого же цвета круги под ними — нар*****ские, хотя я у***ывался лишь раз в жизни и тогда едва не склеил ласты.

Вчерашний вечер маячит на задворках подсознания размытым пятном, но почитать сообщения от ребят и освежить память не получается — экран телефона напололам рассечен глубокой трещиной, сенсор не реагирует на прикосновения.

Эпичное падение — это я помню четко. На ребрах темнеет нехилый синяк.

Тащусь к себе и достаю из тумбочки коробку с айфоном — подарком Энджи на восемнадцатилетие.

Пароли от мобильного банка и нашего паблика надежно сохранены у меня на подкорке, но в чаты войти не удастся даже после десятой введенной комбинации знаков и цифр.

Энджи незаметно подкрадывается со спины, обхватывает меня за пояс, запускает холодные ладони под футболку и плавно, но настойчиво поглаживает кожу.

Разворачиваюсь к ней и, преодолевая острейшее омерзение, цежу сквозь зубы:

— Я бы все отдал, чтобы тебя посадили.

Она безмятежно улыбается и воркует:

— За что, малыш? Уймись. Иначе посадят тебя.

Я не в состоянии оценить ее юмор и не выкупаю прико-
ла, и она прищуривает зеленые, подведенные идеальными
стрелками глаза:

— Соболев вызывает. Да. Прямо в воскресенье. Что же ты
опять натворил, паршивый шакал?

Безучастно пялюсь на серые пейзажи, проплывающие за
лобовым стеклом, страдаю от боли на каждом ухабе и утопаю
в сотнях вопросов без ответов. Воспоминания о вчерашнем
вечере обрываются на пронзительно-синем взгляде какой-то
неземной посторонней девчонки. Сразу после стакана водки,
которым я залил глубинное чувство вины перед ней.

— Приехали, — объявляет Энджи и, вытащив из бардач-
ка косметичку, старательно малюет помадой опухшие губы.
Вытряхиваюсь из авто и послушно жду ее под мелким до-
ждем.

В районном ОВД я давно уже свой.

На учет меня поставили в двенадцать, еще при живом от-
це, когда я по-тупому попался на шоплифтинге. Папа орал
как ненормальный и клялся, что собственноручно засунет
мне этот копеечный шоколадный батончик в известное ме-
сто, но увещевания и угрозы не достигли цели — в дальней-
шем я специально творил всякую дичь, но вытаскивать меня
приходилось уже Энджи.

В конце десятого класса я действительно серьезно накося-

чил. По весне в клубе выдалась особенно жаркая пора, и ко мне прибилась девчонка по имени Ульяна — скромная и тихая, заторможенная, будто больная. Мне скучно по жизни — наверное, голубая кровь дает о себе знать. Забив на предостережения Кнопки, я таскался с этой несчастной и даже пару раз целовал. Через неделю она призналась, что запала, а я честно ответил, что для любви не создан.

Кто же знал, что она наглотается таблеток и отойдет в лучший из миров.

Все закончилось для меня относительно благополучно лишь потому, что начальник РОВД когда-то был матушкиным одноклассником. А ребята подтвердили, что Ульяна была странной, и я ничего плохого не делал.

Шаркая подошвами грязных вэнсов, волоку себя через сумрачный коридор, постучав, вваливаюсь в тесный прокуренный кабинет, и полковник Соболев, лысеющий мужик под сорокет, здоровается со мной за руку.

Приземляюсь на продавленный дерматиновый стул, Анжела, теребя ремешок сумки, просачивается следом, садится на край дежурной кушетки и лепечет:

— Привет, Сергей.

— Привет, Анжел. — Он переводит на меня красные глаза и перестает быть лояльным: — Ну, Болховский, на этот раз ты точно залетел.

Я откидываюсь на скрипящую хлипкую спинку и вздыхаю:

— Вот черт. И от кого же?

Шутка не заходит.

— Статья сто десятая, до шести лет, — пристально смотрит на меня Соболев, Анжела ахает, а я дебилливо лыблюсь, хотя тело свело судорогой:

— Я не в курсе чего-то? С вечера все были невредимы и не собирались выпиливаться, а ночь я провел вот с этой прекрасной дамой.

Анжела кашляет и спешит вывернуться из неудобной ситуации:

— Сереж, это у него такие шуточки. Но он и вправду всю ночь дома был. Могу принести записи с камер в подъезде, дать номер консьержа и таксиста — тот тоже подтвердит.

— Да что случилось-то? — Я уже не чую под собой пола и буквально ору. В висках стучит молоток, и череп вот-вот треснет.

— Дина Морякова найдена мертвой. Выскочила прямо под колеса машины...

На мгновение за окном выключается день.

— Ч-чего?.. К-кнопка?.. — Я становлюсь долбаным зайкой и мысленно продираюсь обратно во вчерашний вечер, но обнаруживаю там только завесу из алкогольных паров и сигаретного дыма.

...Кажется, она просила меня кому-то помочь. Кажется, я наорал, потому что был зол...

— Я ни черта не знаю. Мы дружили. Она ни на что не

жаловалась. Я никогда ее не обижал!

Анжела тараторит что-то про решение вопроса, кладет на стол толстый бумажный конверт, и полковник быстро накрывает его папкой:

— Ладно, Анжел, можешь быть свободна. Ты, Болховский, тоже. Поглядим, что да как, но ничего не могу обещать.

Глава 7. Влад

Кнопка, ответь мне, наивная дурочка, разве можно любить и быть искренним, когда тебя каждую секунду, каждый день никчемной жизни ржавчиной разъедает вина? Ее пятна ширятся, вгрызаются в душу и уже сожрали все светлое, что изначально там все же было...

Тихая забитая Ульяна — не единственная, перед кем я смертельно виноват.

Родная мать умерла в муках, произведя на свет меня. И я бы с радостью поменялся с ней участием, если бы мог выбрать, но такая опция не предусмотрена программой.

Папа запомнился мне резким, хватким, немногословным. Мог отвесить хорошего леща, но старался обходиться мудрыми наставлениями. Много работал, с утра до ночи пропадал в своем офисе, но деньги вкладывал обратно в бизнес, и в роскоши мы не купались. Из транспорта у нас имелся черный японский внедорожник, а из недвижимости — вот эта пятикомнатная квартира в элитном жилом комплексе и недостроенный коттедж, стены которого за три года успели покрыться плесенью.

Я знаю: отец переживал из-за того, что Князь спивается, а я расту в обществе приходящих нянь, не способных заменить маму. Он двенадцать лет держал траур, хотя женщин, желающих его окружить, было предостаточно, но в один

ужасный день привел в нашу берлогу Энджи и сказал, что это его девушка.

Стройная, зеленоглазая, улыбчивая, она сразила меня наповал. В разговорах с друзьями отец упоминал, что она из очень бедной семьи, поэтому знает цену деньгам и умеет рачительно ими распоряжаться. Что она честная и искренняя. И что с ней он уверен в благополучном будущем.

При любом удобном случае Энджи заключала меня в объятия, тискала, трепала по волосам, восторженно разглядывала. Я млел от ее присутствия, ждал встречи, тянулся, как к солнцу. Еще бы: первая девчонка, которая любила меня и безнаказанно лапала... Если всмотреться в глубины моей тьмы, не зажмуриться, не отшатнуться и не обделаться от ужаса, станет заметна одна неприглядная деталь: возможно, я не был так уж сильно против в ту ночь, когда Ангела впервые меня... утешила.

Так что я виноват и перед отцом, точнее, перед его памятью. И мимо его запертого кабинета пролетаю пулей.

Иногда отец является мне в снах и напутствует — грозным голосом несет откровенную белиберду, но, проснувшись, я исполняю все, о чем он меня попросил: купил у строго определенной бабушки на рынке банку соленых огурцов и отдал друзьям Князя — местным алкашам, гонялся по пустырю за трехногой собакой, чтобы почесать ее за ухом, подарил Ангеле клей для вставной челюсти, и она устроила сцену. Кнопка справедливо прозвала меня поехавшим, но

я верю, что так очищаюсь от скверны, а отец чуть меньше злится.

...Я настолько ошарашен известием о Кнопке, что, спотыкаясь, покорно плетусь за Анжелой к машине, сползаю в лифте на корточки и даже не помышляю смыться к Князю.
Если к вечеру Энджи решит надраться, меня ничто от нее не спасет, но подспудно я сам хочу вывалиться в грязь.

Я не знаю, как подступиться к шокирующему факту, что Кнопка завтра не раскроет с ноги хлипкую дверь клуба и не обрушит на меня очередную порцию едкого сарказма. Или не пройдет по моим внешке, стилю и моральному облику. Или не поделится яблоком...

Энджи отводит меня на кухню, кладет на стол таблетку, наполняет водой высокий стакан и встает слишком близко. Холодные ладони опускаются на мои онемевшие щеки, лишая возможности отвернуться.

— Та девочка ведь очень многое для тебя значила, Влад?

Ее взгляд транслирует до оскомины знакомые эмоции: понимание, скорбь, презрение, животный страх. Ее слабость действует как удушающий прием.

Я молчу. На этот вопрос нельзя отвечать «да». И страх в расширенных зрачках Энджи сменяется торжеством:

— Ладно. Я в спортзал, потом заскочу в салон и в офис. Ты хреново выглядишь, поспи.

— Окей.

Машинально выполняю поставленную задачу: добираюсь

до своей комнаты, заваливаюсь на кровать, но сна нет и в помине. Над головой плавно качается серый потолок с рядами погасших светильников, за окном сгущаются черные тучи.

На миг веки слипаются, и я вдруг отчетливо вижу Кнопку. Она во вчерашней мешковатой толстовке, рыжие волосы выбились из плена резинки и дыбом стоят на макушке. Пальцы с облупленным черным лаком крепко вцепились в рукав моей грязной «счастливой» футболки.

— Ты бы хоть, я не знаю... ресницы подкрасила... Ты же девочка, Дин... — Не могу удержаться от ипильки, но она пропускает ее мимо ушей:

— Не заговаривай зубы, аристократ. Ты вкуливаешь? Одному человеку очень нужна помощь!

— Ну так помоги. — Оклеенные постерами стены ВИП-зала причудливо извиваются, я накирлся и не настроен на разговоры, но Кнопка злобно прищуривается и преграждает путь:

— Я и помогаю! Но хочу, чтобы это сделал именно ты.

— Знать бы еще, за что мне такая честь?

— Ты хоть и дебил, но общительный. Помоги ей освоиться...

Я в голос ржу и едва не давлюсь теплым пивом:

— Кнопка, твоя метаирония — отдельный вид искусства! Я себе-то помочь не могу!

— Идиот, я бросаю спасательный круг и тебе! Может, так до тебя наконец дойдет, что ты не один такой и пора

выбираться?

— А если я скажу, что не хочу? — Язык заплетается, стесанные о землю ребра нехило болят. О навязчивости Кнопки тоже можно слагать легенды, и я потихоньку завожусь.

— Тогда я отвечу, что ты не умнее аквариумной рыбки! — Кнопка уже в ярости и обрушивает на меня ее безудержный поток: — Ты страдаешь и даже не рыпаешься. Ты тонешь в своем дерьме. Ты... ты меня бесишь!!!

На закидоны Кнопки я обычно реагирую сдержанно и в целом ценю ее прямоту. Но эти слова пробиваются через заржавевшую броню равнодушия и задевают. Сильно. Еще и Энджи напилась, и неотвратимость встречи с ней бьет по нервам...

И я рычу сквозь сведенные челюсти:

— Ты достала своими шефскими проектами, Кнопка. Займись чем-нибудь другим и больше не лезь ко мне! Ты понятия не имеешь о дерьме, в котором я тону. Ты даже близко меня не знаешь!

Ее пылающие праведным гневом глаза вдруг гаснут. Это не разочарование, не обида, не злость. Это... признание абсолютного поражения.

— Я отлично изучила тебя и понимаю, что недостаточно хороша. Моей помощи ты никогда не примешь... — Кнопка быстро стирает ладонью стекающую слезу, разворачивается и, натыкаясь на столики, выбегает из зала. От-

толкнув возникшего на пути Дэна, нагоняю ее у самого выхода, но она вырывается из моих ослабевших клешней и провозглашает:

— Пошел ты. Вот что я скажу тебе, Владик. Гори в аду! В помещение врывается сырой ночной ветер, за спиной Кнопки хлопает стеклянная дверь, повисает тишина. Тряхнув головой, плетусь к барной стойке, опрокидываю последний шот и подмигиваю офигевшим ребятам. К крыльцу медленно подползает такси.

«...Ты проклятый. Последний, с кем нужно связываться. Тебя нельзя любить. Из-за тебя оборвалось столько жизней...»

Перспектива, обрисованная Соболевым, вдруг становится суровой реальностью. Меня посадят... И пофиг. Чем не вариант избавления... от такого уroda, как я.

В груди воцаряется сказочная беззаботность — работает таблетка Энджи, но скоро ее действие заканчивается, и я опять пропускаю удар под дых.

Кнопка умерла... Ее больше нет.

Вскакиваю как ошпаренный, меняю брендовую футболку на «счастливую» отцовскую, мысленно отдаю Энджи должное — за то, что постирала мои шмотки, — и, побросав в рюкзак айфон и ключи, сваливаю из ее мрачного царства.

Городские задворки окутаны изморосью и ранними сумерками, но вокруг «Черного квадрата» уже собрался народ.

Угрюмые парни и девчонки молча топчутся у ступеней клуба, и от глухой тишины, накрывшей улицу, у меня подгибаются колени.

Ребята кивают мне, но тут же отводят глаза. Охранник Толя делает вид, что очень занят настройкой монитора, и не спешит выдавать бумажный браслет. Перепрыгиваю через стальной поручень, натыкаюсь на парня в черной бейсболке — бледного, заторможенного, словно одеревеневшего, и с трудом узнаю в нем Дэна.

— Привет! — Под его пустым взглядом я рефлекторно отступаю на шаг. Он игнорирует протянутую для пожатия руку.

— А, Влад... Тебе здесь больше не рады.

— Слушай, мне жаль. — Рот изрыгает несусветную тупость: все оттого, что мозг в отключке и не задействован в мыслительном процессе. — Как это случилось? Что произошло?

— Переживаешь за свой зад? — понимающе кивает Дэн, но восковая маска на его лице не меняет выражения. — Расслабься, это был несчастный случай. Но это ты довел ее до истерики, и она побежала на красный. Ты постоянно пользовался ее добротой и кидал, в упор не замечая очевидного... Я спускал тебе это, пока она была жива, думал, что Динка сильная и сама со всем справится. А она не справлялась... Отвали, Влад. Я заступлюсь за нее. Хотя бы сейчас...

Дэн сокрушен, он скорбит и едва вывозит, а я давно забыл, что такое сочувствие.

Кнопка всегда была рядом, но я упивался только своей болью. Мне было на всех наплевать... Я даже не могу вспомнить цвет ее глаз.

Мне нечем дышать, сердце не бьется, но я расправляю плечи и снова встаю напротив Дэна:

— Я уйду. И больше сюда не сунусь. Только... Напоследок врежь мне по шам.

Дэн отмирает, трясет запястьем и резко заряжает мне кулаком по зубам. В нос ударяет запах ржавчины, что-то хрустит, но в мозгах проясняется.

— Спасибо, брат. — Я сплевываю на пол кровь и, спрятав руки в карманы джинсов, выхожу через освободившуюся от преграды рамку металлоискателя.

Ветер яростно треплет кусты, растущие вдоль исписанного мною бетонного забора, взгляд цепляется за черные строчки стихотворения, и я тихонько продолжаю их вслух:

«...В сонме ангелов — Ленора,

та, чье имя навсегда

В этом мире стерлось —

без следа...»

Все, чем я по-настоящему жил в последние три года, было накрепко связано с Дэном и Кнопкой. Я был малолеткой, но Дэн общался со мной на равных. А у Кнопки для меня всегда были припасены носовые платки, мотивирующие щелбаны и мятные конфетки...

Из разбитой губы течет что-то теплое, но я заслуживаю

гораздо больших страданий.

Достаю телефон, на ходу фотографирую окровавленный фейс, кидаю на стену нашего паблика и пишу в заголовке:

«А вот и возмездие. Прощайте, ребята».

Спустя секунду прилетает первый комментарий:

«Она умерла из-за тебя».

— Справедливо. — Я усмехаюсь. — Приглашаю вас плюнуть на мою могилу. Если, конечно, Энджи удосужится меня похоронить.

Словно оплакивая самую добрую девчонку на свете, тучи разверзаются потоком холодного дождя.

Грязь пузырится и шипит под убитыми вэнсами, точно такая же по самую глотку скопилась в моей душе... Ломлюсь вперед, ни черта не видя и не разбирая дороги.

Сцену в парке уже демонтировали и увезли, остался только помост для музыкантов, играющих живую музыку по вечерам, и голый асфальт танцплощадки.

Дождь стучит по темени, плюет в глаза, хлещет по щекам.

Снимаю с плеча рюкзак, бросаю его в лужу и, хлопнув в ладоши, на счет три подлетаю к мутным белым небесам. Электрик буги, нижний брейк, хаус, стрит-джаз... движения переплетаются и наполняют мышцы чистой энергией, за спиной вырастают крылья, монотонный нойз ливня вдруг обретает мелодию и ритм.

Я зажигаю в последний раз — закрываю глаза, и Кнопка поднимает вверх большой палец. Посылает мне воздушный

поцелуй, аплодирует и звонко смеется.

Глава 8. Эрика

В тюлевой занавеске запутался ветер, орхидея, недавно переселившаяся из цветочного магазина на мой подоконник, выпустила еще один бутон.

Сладко потягиваюсь и откидываюсь на подушку, старый диван жалобно скрипит.

В разговоре с мамой я изрядно преувеличила удобства съемной квартиры, но, убегая из дома, была готова ночевать даже на грязном полу вокзала, так что моя благодарность Кнопке не знает границ.

Раннее пасмурное утро заглядывает в окно. В столице еще глубокая ночь.

Я теперь даже в новый день вхожу раньше, чем Костя...

Отбрасываю плед, шлепаю босиком на кухню, нажимаю на кнопку электрического чайника, засыпаю в пиалу ложку молотого имбиря и осматриваюсь. Пара шкафчиков, плита, холодильник, стол, табурет. Даже не верится, что все это несколько месяцев будет в моем полном распоряжении!

Не хочу думать на перспективу. Отдыхаю душой. Зализываю раны — те, что еще свежи и могут поддаться лечению.

Голова еле слышно побаливает, мучает жажда, пальцы слегка дрожат — кажется, это и есть пресловутое похмелье.

В красках припоминаю прошлый вечер и, прикрыв рот ладонью, хихикаю — я еще не умею радоваться в полную силу

и иногда даже не знаю, какая из мыслей или эмоций принадлежит мне самой, а какая — навязана Костей, но вчерашний праздник непослушания точно стал самым ярким моментом в моей жизни.

Отчего-то перед глазами возникает пьяный неприкаянный парень и его улыбка, обращенная сразу всем и никому. Меня покорило то, что он делал на сцене, его раскрепощенность, дьявольская увлеченность танцем и потрясающее владение телом. Его иступленное стремление к свободе и умение управлять толпой.

Я-то на подобное не способна...

Костя высмеивал мои хобби: раз ни черта не умеешь, лучше не браться. Впрочем, сам он в свободное от учебы время только критиковал, бесился и смаковал чужие провалы.

«...Я говорил тебе, что не ем грибы. Говорил же? Да? А что тогда у меня в тарелке? Я тебе сейчас эту салатницу на башку надену, дура тупая!...»

Раздается щелчок, и я вздрагиваю. Пару секунд смотрю на чайник, но не вижу его — сноп фарфоровых осколков исчезает в тумане, сердце бьется в глотке.

— Сам такой, — проморгавшись, бубню под нос, заливаю имбирь кипятком и возвращаюсь в уютный кокон из пледа.

Набираю номер Кнопки, но автоинформатор грустно сообщает, что она не в сети.
Ну конечно же: девчонка спит после ночной тусовки и видит десятый сон. Договоренности подождут. Это мои биологические часы сошли с ума из-за

стресса и переезда.

На удивление, верный ноутбук, преодолевший вместе со мной тысячи километров, все еще держит заряд батареи.

Я предусмотрительно снесла все профили, сменила адреса почтовых ящиков, удалила любые упоминания о себе, до которых смогла дотянуться. Теперь у меня пустой аккаунт, озаглавленный чужим именем, и единственный диалог — с Кнопкой.

Раскрываю страницу и пишу ей:

«Я навела порядок и немного освоилась. После шоппинга приглашаю в гости».

Пару минут ожидаю ответа, но она не появляется онлайн.

Ради любопытства просматриваю ее интересы — книги, комиксы, аниме, молодежные сериалы.
Самое верхнее сообщество из списка посвящено Дэну, их клубу и фестивалю, в нем анонсы мероприятий, релизы новых треков, обсуждения и множество фотографий: выступления, поездки в другие города, катание на продуктовых тележках по парковке универмага, скейты, велосипеды, граффити, посиделки с гитарами у костра. Почти в каждом кадре есть этот парень, Влад...

И от него очень трудно оторвать взгляд.

Костя утверждает, что красивых людей в реальности не существует — это природа сыграла с человечеством злую шутку. Достаточно обладать набором определенных черт, которые считываются подсознанием как «беззащитные»,

«детские», «милые», и дело в шляпе — готов красавчик. А человек при этом может быть полным придурком или отъявленным негодяем... Возможно, в случае с Владом эта теория действительно работает. Но, как бы там ни было, при рождении он точно сорвал джекпот.

А вот одутловатый, склонный к полноте Костя красавцем никогда не был и ничего не собирался менять — тренажерный зал называл тусовкой стероидных импотентов, а барбершоп — сборищем напомаженных женоподобных мальчиков. Он предпочитал классические шмотки и одну и ту же короткую стрижку, и иногда мне было неприятно на него смотреть.

Впрочем, я тут же корила себя за это, взывала к своей совести и осознавала ответственность — если бросить такого невзрачного индивида, он никогда не найдет себе пару... Девочки не стали бы вешаться на него гроздьями, как вешаются на сияющего друга Кнопки.

Ответственность перед Костей уступила место инстинкту самосохранения, когда я впервые задохнулась от удара кулаком в живот. Но если бы не форум, помощь Кнопки и ее призыв больше не терпеть, я бы терпела — настолько была деморализована.

В обед звонит мама, и ее тон заставляет напрячься:

— Эрика, я сбросила тебе на счет пару тысяч. Прошел перевод?

— Да, спасибо, мам. Но не нужно было... Пока хватает того, что подарила бабушка.

— Даже ей не скажешь, где ты сейчас?

— Скажу. В свое время.

— Костя в шоке... Весь вечер у нас просидел. Может, прекратишь его мучить? Лена тоже в недоумении. За что ты так обошлась с ее сыном?..

— Пока, мам.

Я отключаюсь и отшвыриваю телефон на диван. В груди буйным цветом расцветает вина, дыхание распадается на поверхностные вздохи. Костя так убедителен в своей непогрешимости, что сомневаться в себе начинаю даже я...

Влезаю в черные скинни и серый свитер, подхватываю рюкзак и спускаюсь на улицу: необходимо проветрить мозги. Крокодильи слезы Кости — игра на публику. Он знает, что мама расскажет мне о них. И знает, что я отреагирую.

И я ненавижу себя за то, что не могу перегрызть опостылевший, истрепанный, но все еще крепкий поводок, которым он меня к себе пристегнул.

Уютная улочка, поросшая старыми кленами, плутает между кирпичными пятиэтажками с голубятнями на крышах. Тут до слез спокойно и уютно, но мне не хватает нависающих над головой высоток и шумного, продуваемого сквозняками метро — символов насилия над сущностью человека.

Попытка связаться с Кнопкой опять ни к чему не приводит, и смутная тревога холодком пробирается за шиворот.

Где же она? Готовится к началу учебного года? Но мы договорились вместе пройтись по магазинам...

Может, она уловила мой слишком пристальный интерес к ее другу?.. Тогда справедливо. У нее действительно есть повод мне не отвечать.

Сверяюсь с навигатором, на ходу запрыгиваю в тронувшуюся маршрутку и еду в торговый центр.

Местные магазины почти не отличаются от тех, что мы с мамой посещали по выходным: похожий ассортимент, те же марки, только цены отчего-то ощутимо выше.

Мысленно благодарю бабушку за подаренные на день рождения деньги, приношу в примерочную целую охапку вещей — ярких, крутых, небанальных — и вечность кручусь перед зеркалом. Мне нравятся все, к тому же за шторкой нет Кости — не нужно будет отбиваться от его авторитетного мнения. Но выбрать приходится только те, что прикрывают уродливый розовый шрам.

Я ем на фудкорте перченые крылышки, от которых у Кости приключался гастрит, с особенным удовольствием вытираю руки о джинсы, допиваю колу и, подхватив бумажные пакеты, бегу к выходу и ныряю в теплое нутро маршрутки. Снаружи сплошной стеной стоит ливень, мелькают размытые фары авто и огни фонарей.

Стряхнув с волос холодные капли, плюхаюсь на жесткое сиденье возле печки и достаю телефон.

Кнопка по-прежнему не берет трубку, в сети ее тоже нет. Зато со страницы ребят на меня взирают ясные серые глаза

Влада, и я словно лечу на качелях над пропастью...

Но, глубоко вдохнув, внезапно осознаю, что он слишком бледный, криво ухмыляется рассеченной губой, а его подбородок испачкан кровью.

Под фото странная подпись:

«А вот и возмездие. Прощайте, ребята», и тысячи комментариев:

«Она умерла из-за тебя».

«Позер».

«Конченная мразь».

«Вспомни, как она утирала тебе сопли, а ты постоянно ее динамил».

«А про Ульяну ты еще не забыл?»

С закрепленного поста улыбается Дина, перечеркнутая черной траурной ленточкой.

«Наша любимая сестра и подруга Дина трагически погибла. ДТП. Прощание состоится 2 сентября в кругу родных и самых близких друзей.

«Вечная память, Кнопка. Ты навсегда в наших сердцах».

Я чувствую приближение липкого, одуряющего бессилия, перед глазами взвивается рой мелких мушек. Глупо и долго-долго пялюсь на Дину, снова и снова перечитываю короткий текст, всхлипываю, отворачиваюсь к окну и беззвучно и горько рыдаю.

Мы не успели стать лучшими подругами — я стрессовала, нервничала, боялась, что Костя обнаружит следы нашего

общения... и толком ничего не узнала о ней.

Она была одинокой. Гордилась братом. Безответно любила...

А еще она меня спасла.

Глава 9. Влад

«...После тебя закончится моя жизнь...»

Спутанное сознание внезапно возвращает мне зрение, а с ним — сколотую кафельную плитку в мыльных потеках, черную плесень на потолке и тошнотворно грязную, порывавшую ванну, ежедневно принимающую по сорок человеческих тел. На ее краю пристроились мои ноги в выдавших виды вэнсах и клетчатых штанах.

Я лежу в остывающей воде, и толстовка пузырем плавает в ржавой мути.

...Надо бы сказать деду, что кровь у нас ни хрена не голу-бая...

В дверь кто-то осторожно скребется, соседка из девятой комнаты конфузливо интересуется:

— Все еще занято? Там кто?

— Владик там засел, тетя Валь. Давно уже. Воду льет, а Князь три месяца за коммуналку не платит.

Раздается настойчивый стук:

— Владюша!

«...Стук раздался, но слышнее, чем звучал он до того.

Верно, что-нибудь сломилось, что-нибудь пошевелилось,

Там, за ставнями, забилося у окошка моего,

Это — ветер, — усмирю я трепет сердца моего,

— Ветер — больше ничего...»

— Владюша! Открывай!

...А вот хрен вам...

— Владюша!

...Какой я вам «Владюша»...

— Юль, отца зови. Живо!

Топот Юльки и причитания тети Вали прерывает густой бас:

— Влад! Открывай, придурок мелкий!

Сосед сегодня не на дежурстве. Мне «везет», впрочем, как всегда.

— Раз, два, три!

Дверь с чудовищным грохотом слетает с хлипких петель и осыпает пол вековой трухой.

— Владюша, ты что же это, а?! — воет соседка. — Кто-нибудь, позвоните его матери!

...Не надо матери...

— Расступитесь! Юлька, тащи жгуты! — командует сосед.

К счастью, я снова отключаюсь.

— Очнулся, идиот? — Из света в конце тоннеля материализуется круглое румяное лицо Юльки. Судя по знакомым выцветшим обоям и годами не чищенной хрустальной люстре, торчащей из середины потолка, я заново родился в комнате соседей.

— Какого хрена, Юлия? Затащила-таки меня в свою кровать? — хриплю я и не узнаю голос.

Юлька злобно прищуривается:

— Ага, мечтай! Если бы не папа, над тобой бы сейчас уже ржал судмедэксперт.

Приподнимаюсь на локтях, и чудовищный «вертолет» заваливает меня на подушку. Я морщусь:

— И почему он бы ржал?

— Потому что не нашел бы в твоей тупой башке мозгов!

Превозмогая дикую боль в запястье, накрываю рукой глаза.

— Ох, Юля. Отчего-то очень многие с тобой солидарны.

— Это факт. Просто смирись, Влад. И давай сюда свою граблю. — Она осторожно разматывает бинт, щедро льет на раны перекись водорода и, словно заклинание, приговаривает: — Красота. Ну красота, правда же? Мы швы наложили. Хорошо, что сухожилия целы, а то как бы ты потом свой брейк танцевал?

В душе черными крыльями хлопает ворон, но слабость выталкивает меня из пучины скорби обратно в невыносимо солнечное утро.

Только такой придурок, как я, мог надумать вскрываться, когда сосед, работающий врачом на скорой, и его дочь — медсестра хирургического отделения первой городской больницы — были дома.

Если бы вчера моя башка варила так, как нужно, я бы сначала проверил их комнату. И сейчас, глядишь, сидел бы рядом с Кнопкой на облаке и беззаботно болтал ногами...

Впрочем, я себе льщу. На том свете меня тоже ждет котел с кипящим дерьмом.

Юлька прячет чистую марлевую повязку под эластичным бинтом, закрепляет его края пластырем и удовлетворенно кивает:

— Все, как новенький. Дуй к себе, Ангела звонила — с минуты на минуту прискачет. Да, надень кофту с длинным рукавом, мы ей ничего не сказали!

Выбираюсь из-под Юлькиного одеяла и едва не падаю на пол. Стены кружатся, как адская карусель. Меня мутит.

Юлька ржет вслед:

— Штаны твои на стуле, кисейная барышня!

По пути хватаю постиранный и высушенный прикид, натягиваю штаны и замызганную отцовскую толстовку с надписью Nirvana и вываливаюсь в общий коридор, провонявший сыростью и жареной картошкой.

Я ловлю полноценный приход с потемнением и яркими звездочками в глазах и яростным свистом в ушах. Умываюсь на кухне ледяной водой, локтем толкаю фанерную дверь, огибаю древний полированный шкаф и, вцепившись в его угол, борюсь с подкатившей дурнотой.

Видимо, плавал вчера я все же долго.

Отдышавшись, поправляю рукава и матерюсь в голос: в потертом кресле Князя, как на гребаном троне, восседает разъяренная Ангела и вертит в руках мой сдохший айфон.

— Что с лицом?

— Не поверишь: неудачно упал.

— Где ты был, шакал? — Ее губа, все еще распухшая от недавней инъекции филлеров, жутко кривится. — У этой шаболды ночевал?!

— Не знаю, о ком ты. — Без сил опускаюсь на край при- таившегося за шкафом дивана и жду: оплеухи, истерики или поцелуя с языком... мне пофиг. Все равно ничего не смогу предпринять.

Она подсаживается рядом, проводит кончиком носа по моей шее и вкрадчиво шепчет:

— У вас ведь что-то было, да?

Мотаю больной головой, и в ней катается пудовая гирия.

— Посмотри мне в глаза, — придерживая мой подбородок, воркует Энджи, сканирует меня взглядом и ухмыляется. — Вот так... Хорошо...

То, что она углядела в моем гнилом нутре, моментально улучшает ей настроение.

— Знаешь, Влад, я горжусь, что ты вырос таким. — Она гладит меня по волосам, запускает в них пальцы и резко тянет.

— Каким? — зашипев от боли, на всякий случай уточняю я.

— Разборчивым. Холодным. Равнодушным. Разумным...

— Да уродом я вырос, Энджи! — не выдержав, перебиваю ее тошнотворный бред и рывком высвобождаю свои патлы.

— Хватит ломать комедию, зачем пришла?

— Чтобы подвезти тебя до университета. Как чувствовала, что ты туда не собираешься, ленивая мразь.

Она встает, снимает с дверки шкафа полиэтиленовый чехол, разворачивает его и бросает на меня черный пиджак, отутюженную белую сорочку и темно-вишневый галстук.

— Ох, как здорово, Анжел! — Я с пристрастием его оцениваю. — Вот на нем и вздернусь.

— Ты сейчас же отдупишься, приведешь себя в порядок и спустишься к машине. У тебя десять минут.

Цокая пятнадцатисантиметровыми шпильками, Энджи эффектно удаляется, и ее обтянутый голубыми джинсами зад, покачиваясь, скрывается за углом. Трезвой она круто разруливает проблемы, наставляет меня на путь истинный и вполне может сойти за любящего родителя.

Она и по пьянке всегда отдает отчет своим действиям.

Со всех сторон подступает тишина, в груди что-то ноет, раны наливаются болью. Здесь, в компании недопитой Князем бутылки, ошетилившейся бычками пепельницы и разъедающей внутренности вины я рискую тронуться умом.

Слизываю кровь с треснувшей губы, вздыхаю и скептически осматриваю принесенные Анжелой шмотки.

Вкус у нее отменный. Но не имеет ничего общего с моим.

Иногда мне на глаза попадают новости криминальной хроники о таких же чокнутых извращенках, как Энджи. И

под каждым постом озабоченные задроты дружно жалеют этих дамочек:

«Почему на месте пацана не я? Уж я бы ее не сдал».

Я впадаю в ярость и долго не могу успокоиться.

Чувак, ты бы чокнулся, если бы был на моем месте.

Впервые это случилось сразу после похорон отца — вся моя скорбь по нему вылилась в парализующий, леденящий душу ужас. Стучали зубы, дрожали руки, разверзалась земля. Я не мог находиться в своей в комнате, Энджи тоже боялась ночевать одна. Она позвала меня к себе, крепко обняла, прижалась всем телом, но... на этом не остановилась.

Я не ощутил ничего, кроме дискомфорта, выкрутил все эмоции и чувства на минимум — где-то там они до сих пор и пребывают. А потом лежал неподвижно, прислушивался к ее ровному дыханию и... плакал. Ни хрена не соображал, но отчетливо понимал, что шагнул в кромешный ад.

Это и сейчас не приносит мне ничего, кроме ненависти к себе и желания отмыться. Но стоит услышать, что ей страшно, страшно становится и мне. И хочется спрятаться от одиночества и своих демонов хотя бы под ее одеялом.

— Мы на месте! — Солнечно улыбаясь, Энджи паркуется возле университетского корпуса и заботливо поправляет мой галстук. — Будь хорошим мальчиком. Поменьше рисуйся, пореже открывай поганый рот, и все будет окей...

— Спасибо, ма, — обворожительно подмигиваю ей, прихватив рюкзак, вытряхиваюсь наружу и хлопаю дверцей. К

каменным колоннам у входа тянутся бледные студенты в строгих костюмах и пуританских платишках.

Я здесь лишь для того, чтобы огрести еще больше лютого хейта. И тогда, возможно, бедная Кнопка сможет меня простить...

Ослабляю удавку на шее, высвобождаю сорочку из-под ремня и расстегиваю у горла две пуговицы.
Закидываю в рот мятную жвачку, прячу руки в карманы клетчатых штанов и, расправив плечи, вваливаюсь в огромный мрачный холл.

Глава 10. Эрика

Я всю ночь не спала и совершенно разбита — веки опухли от слез, тяжело болит голова.

Гибель Дины меня потрясла. Завернувшись в плед, я сидела в темноте и рыдала так, что сводило дыхание, немели руки, а зубы выстукивали дробь.

Но за окном затеплилось новое утро, и скорбь постепенно стала прозрачнее, невесомее, светлее... Я приняла случившееся, почти смирилась с тем, что отзывчивой маленькой Кнопки больше нет, и я никогда не узнаю, какой она была на самом деле.

И тут же в душу закралась тревога: я одна, в чужом городе, с кучей шрамов на сердце и с одним, самым уродливым, на теле. Я без проводника. Без поддержки. Без друга, на которого так рассчитывала...

В телефоне срабатывает будильник, напоминая, что пора собираться на занятия. Встаю, шаркаю в потемках в ванную и, подставив ладонь под струю прохладной воды, пытаюсь отвлечься и найти мотивацию на предстоящий день.

Он обещает быть сложным.

Поступление в вуз не казалось мне волнительной и важной процедурой, скорее удручало — я неплохо училась в школе, но не могу назвать блестящими свои способности к

математике. Однако Костя лет пять бредил мехматом и искренне считал, что я тоже потяну.

«Какая разница, золотце. Я буду делать задания вместо тебя. Ты же все равно не пойдешь работать — содержать семью должен мужик».

Мама была в восторге от его рассуждений: «Исключительно положительный мальчик. Воспитанный, серьезный, с хорошей родословной. И такие правильные взгляды на жизнь!»

Но меня они до чертиков пугали.

И теперь я словно спрыгнула с взбесившейся карусели — все еще штормит, и кружится голова, но под ногами ощущается твердая опора.

Долго отмокаю в душистой пене, впускаю в квартиру свежий утренний воздух и с азартом верчусь перед зеркалом в прихожей — распускаю волосы и наношу макияж.

В нашу первую и единственную встречу Кнопка сказала, что я симпатичная. А Костя всегда подчеркивал, что я — посредственность и буквально вытянула счастливый билет, когда они с мамой поселились в квартире напротив. Я склонна верить Дине. А Костя пусть испытает свои чары на однокурсниках с мехмата. Если, конечно, там будут девушки...

Настроение взлетает вверх — к беленому потолку, а к губам приклеивается глупая улыбка.
 Надеваю короткую кожаную юбку и изумрудную водолазку, обматываю шею черным шелковым шарфом и, пожелав себе ни пуха, покидаю квартиру.

Ночью я выплакала всю свою боль и теперь лечу к остановке, едва касаясь тротуара подошвами балеток. В рюкзаке затаились пара тетрадок, ручка, бумажный пакет и телефон.

Отчего-то вспоминается тот парень, Влад, его счастливая улыбка на огромном мониторе и наша игра в гляделки в автобусе. Сердце не хочет верить, что он причастен к беде. Да, он привык ко всеобщему вниманию, избалован им и не ценит людской интерес, но не может быть настолько ущербным, чтобы...

Однако в комментариях, по глупости прочитанных накануне, упоминалась не только Кнопка.

И я не знаю, зачем продолжаю его оправдывать. Вероятно, мы больше вообще никогда не увидимся.

Выпрыгиваю из маршрутки и, сверившись с часами, спешу к университету — судя по буклету, моя кафедра находится в низеньком четырехэтажном корпусе с монументальными колоннами у входа и сине-зелеными елями во дворе.

Душа улавливает сладкий ветер перемен и настраивается на него, как флюгер.

Я легко нахожу аудиторию, здороваюсь с уже пришедшими парнями и девочками, представляюсь им и занимаю последнюю парту в среднем ряду. Я все еще опасаюсь быть на виду, но мне нужно быть в центре событий.

Тайком разглядываю однокурсников, и мне они уже нравятся. Пытаюсь угадать, с кем из них смогу подружиться, но

память забрасывает меня в недавнее прошлое, в школу, в просторный класс. Костя раздраженно перечеркивает карандашом мои вычисления и недоумевает, как можно быть такой тупицей. Пишет в блокноте верное решение и стучает им по моему лбу — в шутку, но больно.

Кроме него, у меня не было друзей. В детстве мне льстило внимание мальчика-отличника, а когда потребность в свободе все же возникла и неосторожно вылезла наружу, по шее и груди расползся уродливый шрам.

— Слышали, с нами будет учиться Болховский. — Ребята треплются на отвлеченные темы, плохо скрывая волнение и робость.

— Тот самый? Из клуба?

— Да, из-за которого погибли две девчонки.

— Говорят, он специально склоняет их к этому. Типа развлекается, и все такое. Но ему ничего не будет. Отмажет влиятельная мать.

В аудиторию входит классический красавец — высокий широкоплечий блондин, с улыбкой, как у героя фильма золотой эпохи Голливуда. Следом за ним тенью проскальзывает еще один парень — пониже и постройнее... Бледный, растрепанный, с незатянутым галстуком, свободно болтающимся на шее, в рубашке навыпуск и в пиджаке нараспашку. В таком прикиде уместно тусить на концерте какой-нибудь инди-группы, но нельзя заявляться первого сентября в университет.

И тут я дергаюсь, как от удара током.

Это... Влад.

Чертыхаюсь, и кожу правой ладони покалывают иголки. Долю секунды я даже рада его видеть, ведь он — единственный мой знакомый на тысячи километров вокруг, но тут же с прискорбием осознаю: это о нем только что трепались ребята. Все, что написано в комментариях под тем постом, — чистая правда.

Всхлипываю от бессильной ярости и нервно постукиваю ногтями по столешнице. Тошнит от себя — я тоже повелась на его улыбочку. Тошнит от него — однажды он подарил мне прекрасные, светлые эмоции, но так цинично отнял.

— Болховский. Мое почтение! — Он отвешивает поклон девчонкам, вразвалочку проходит через аудиторию и плюхается за парту слева от меня. Достает айфон и теряет к происходящему всякий интерес.

Бросаю на него быстрый взгляд и не без удовольствия убеждаюсь, что кто-то действительно подпортил его чересчур идеальную физиономию.

Пошептавшись с компанией, низенькая брюнетка направляется к нему с явным намерением сесть рядом, но Влад молча перекладывает рюкзак с коленей на соседний стул и что-то увлеченно листает в своем айфоне.

Девушка уязвлена, однако не собирается отступать:

— Влад, да? Может, погуляем сегодня после пар?

— Не могу, малыш. Как раз записался к венерологу, —

не отрываясь от экрана, доверительно сообщает он, и лицо девчонки перекашивает гримаса безразличия.

— Придурок! — Она отскакивает и, эффектно развернувшись на каблуках, отваливает восвояси. Тут и там раздаются смешки, но я в досаде прикусываю губу.

Позер и клоун. Просто пустое место. Как можно по доброй воле связываться с моральными инвалидами типа него?..

Занятия пролетают на удивление быстро: декан произносит торжественную речь и сам проводит пару по введению в предмет, а потом объявляет, что, по случаю Дня знаний, мы можем быть свободны.

Поспешно собираю вещи и ухожу — по другому ряду, чтобы, не дай бог, не соприкоснуться плечами с некоторыми странными типами.

В сквере по-летнему тепло и солнечно, толпами гуляют школьники, из невидимых колонок звучит легкая музыка. Аниматор в костюме Фиксика отделяется от красочного стенда с воздушными шарами, вручает мне дротик и подмигивает:

— Хотите попробовать?

Внутренний голос предостерегает, что я обязательно промахнусь и опозорюсь перед верзилами-старшеклассниками, тоже желающими попытать счастья. В нем слышатся интонации Кости, и я с азартом соглашаюсь.

Выбиваю четыре шарика из шести, остаюсь без приза, но

удовлетворена самим процессом, а верзилы одобрительно поднимают вверх большие пальцы и улыбаются.

Я улыбаюсь в ответ.

С высоты второго этажа открывается милый сердцу маленький двор с песочницей, скамейками у подъездов и буйными зарослями сирени, укутанными в осенние сумерки. Я сижу у окна, пью чай и оттаиваю — отдыхаю после сложного дня, обретаю спокойствие, строю планы на ближайшее будущее.

Но мысли упрямо улетают в Москву — к бабушке, к маме, к... Косте.

И в душе вдруг возникает непреодолимое, острое желание проверить, насколько сильнее я стала за прошедшую неделю.

Открываю ноутбук и, задержав дыхание, кликаю по профилю Кости — с основного фото улыбается скромный парень в джемпере и очках. Я словно впервые его вижу, и сейчас мне заметны изъяны даже во внешности. Он не страшен. Скорее жалок.

Наверное, когда-нибудь я все же сумею его простить.

На его стене появилось множество наших совместных фото: школьная линейка, выпускной, прошлогодний отдых на даче в Подмосковье, майская фотосессия в парных свитерах. Последний пост обильно украшен сердечками, а сверху капсом набрана фраза:

«Я не знаю, что сделал не так, мое золотце. И очень

страдаю. Но мое сердце всегда с тобой. Где бы ты ни была».

«Я тебя найду! Не думай, что отсидишься у бабушки. Я тебя из-под земли достану, убогая, так что закрой свой рот!..»

Ужас мгновенно воспламеняет тело, грудь сдавливает неподъемный валун, на глаза падает черная шторка, и я захопываю ноутбук.

Нашариваю в рюкзаке скомканный бумажный пакет и, уткнувшись в него, медленно и глубоко дышу.

Глава 11. Влад

Я был бы счастлив снова получить по шам и услышать вслед пару ласковых, но в универе столкнулся с показным равнодушием и скрытым настороженным интересом.

Отмороженной девчонке с соседней парты, кажется, вообще стало плохо от моего присутствия — она сидела неподвижно, намертво вцепившись в рюкзак, и я уже был готов окликнуть ее, по-отечески похлопать по плечу и заверить, что живьем есть не собираюсь.

В конце занятий мы случайно встретились взглядами, и меня вдруг повело — сердце скрутила пронзительная, необъяснимая печаль, а в мозгах вспыхнули воспоминания о синем небе, свободе, о том последнем вечере, когда невнятная надежда на лучшее еще теплилась где-то вдалеке...

Я пялился на девчонку как дурной, но она резко встала, повесила на плечо рюкзак и вышла из аудитории.

Она все верно оценила. Кто я такой, чтобы мечтать?..

Однако если дьявол не стал меня прибирать, значит, у него имеются на мой счет другие планы.
Выхожу на яркое солнышко и, борясь с одуряющей слабостью, чешу в историческую часть города, туда, где от разрушительного влияния ветров и времени из стен старых особняков выпадают замшелые кирпичи.

Мне не дает покоя Юлькин возмущенный вопль, что Князь задолжал оплату за ЖКУ, и соседи-крохоборы, вероятно, не разрешают деду пользоваться благами цивилизации.

Когда-то Князь благородно отказался от немалой доли отцовского наследства, справедливо заметив:

— Я при жизни-то от него денег не принимал. На кой они мне? Все равно пропью... — И продолжил существовать так, как привык: бухать, читать книги, раздумывать над философскими вопросами и ничего для себя не просить.

Пока я кувыркался с Анжелой и жил припеваючи, мой родной дед накопил долги, но не признается, что нуждается, и стойко сносит нападки злопыхателей.

Это и есть достоинство... А вовсе не то, от чего так тащится Энджи.

Я заруливаю в убитый, обшарпанный офис управляющей компании, забираю долговую квитанцию и плачу по счетам. В магазине на углу нагружаю продуктами два вместительных пакета, покупаю в киоске толстенный сканворд и иду к деду.

Пусть Князь пропащий, полностью опустившийся тип, но я тянусь к нему. Он — отец моего отца, единственная в мире родная душа. У нас даже проскакивают одинаковые замашки.

Дверь в комнату не заперта, на столе представлен все тот же «джентльменский набор»: пустая бутылка, кусочки оплывшего сыра в тарелке, до фильтра выкуренные бычки в мутном хрустале пепельницы. Князь отсутствует больше су-

ток.

Раскрываю настежь трухлявые рамы, развернув мусорный мешок, сгребаю в него все отходы и выношу к контейнерам. Вернувшись, снимаю с себя ненавистные шмотки, переодеваюсь в старую толстовку и, прихватив с полки первую попавшуюся книгу с золотым тиснением на корешке, заваливаюсь на диван.

У Князя много коллекционных изданий, и в детстве я мечтал перечитать их все. Самое время наверстать упущенное, но мысли упрямо разбредаются, душа горит от боли, и я не могу сфокусироваться на строчках.

После полудня обо мне вспоминает Энджи — судя по звенящему голосу, пребывающая в приподнятом настроении.

— Владик, я в гипермаркете. Хочу забаббахать что-нибудь этакое на ужин. Отпразднуем твой первый учебный день. Что скажешь, малыш?

Роняю книгу и еле слышно чертыхаюсь. Самое дьявольское в Анжеле не то, что она со мной спит, а то, как она оперативно переключается в режим заботливой мамочки и правдоподобно его отыгрывает.

— Я не приду, — отрезаю я. — Хочу побыть у Князя.

— Опять? Почему? — теперь ее голос звучит бесцветно и тихо, и такой расклад не сулит ничего хорошего.

— Потому что я скорблю, Энджи. От меня сегодня все равно не будет толку.

Я с ней максимально честен. Этой ведьме бесполезно

врать.

— Окей. Но завтра же ты вернешься. — Она вот-вот перейдет к угрозам или прямому шантажу, и я поддаюсь:

— Железно. Вернусь.

— Представляешь, я тебе верю, убогий, — хрипит Энджи и, хохотнув, прочищает горло. — Ты не посмеешь меня предать.

Ближе к вечеру, охая и кряхтя, наконец является дед — с грохотом налетает на стул, извиняется перед ним, изящно подхватывает заварочный чайник и, причмокивая, пьет из отколотого носика.

Зеваю, взьерошиваю спутанные патлы и вылезаю из-за шкафа:

— Где изволили пропадать, ваше сиятельство?

— А, Владик, здорово! Да так, у Ерохина Женьки юбилей отмечали... — Он достает из кармана ветровки бутылку и, поигрывая ею, загадочно подмигивает: — Будешь?

Я не отказываюсь. Сажусь за круглый, покрытый замызганной плюшевой скатертью стол, и наблюдаю, как Князь с торжественным блеском в глазах наполняет стаканы.

Он водружает тощий зад на свой потертый трон, опрокидывает стопку за стопкой и быстро косеет: язык развязывается, на опухших веках выступают слезы. Глядя на меня, он становится сентиментальным и в миллионный раз заводит шарманку о том, каким хорошим был мой отец: отлично

учился, не боялся рисковать и всего в жизни добился сам.

— А ты... — Дед вытирает покрасневшие глаза. — Душа разрывается из-за тебя, Владик...
Задумчиво верчу стакан в руке. Разговор начинает напрягать — я заранее знаю, куда он вырулит.

— Помню я прекрасно, как он за нее переживал, — все нудит и нудит Князь. — И как наказывал: в случае чего, ты должен о ней позаботиться. Только вот... Владик, разве же он просил его заменять?..

Я взрываюсь:

— Пошел ты!

Резко заливаю пойло в рот, грохаю стеклянным доннышком по столу и шумно выдыхаю. Дед съеживается, и я моментально расслабляю сжатый кулак.

Я виноват перед отцом. У каждого своя карма. Этого не объяснить просто так...

— Полно, не злись, — примирительно улыбается Князь и приглаживает седую шевелюру. — Лучше расскажи-ка про учебу!

Я благодарен деду за возможность отвлечься от стыда и скорби и меняю тему — перечисляю профильные предметы и жалею, что не потяну, но скоро выясняется, что его интересуют девки. Неужели я буду настолько же озабоченным в шестьдесят пять?

— Вынужден тебя разочаровать. Ни одной не помню. Не присматривался, — пожимаю плечами, а Князь расстроено

качает головой.

На самом деле я лукавлю: взгляд девчонки с соседней парты занозой впился в сердце. Худая, высоченная, бледная, с тонкими чертами и ярко-синими глазами... Ее холод замораживает кровь и не дает опьянеть даже после третьего стакана.

— Хватит на сегодня! — Отнимаю у Князя недопитую бутылку, под крики негодования собираю тарелки, плетусь на кухню и споласкиваю их под ржавой водой.

В темном коридоре нарываюсь на Юльку.

— О, страдалец наш. Дуй за мной.

Она подталкивает меня к своей комнате и вынимает из аптечки свежий бинт. Присаживаюсь на край кровати, закатываю рукав и наблюдаю за манипуляциями Юльки — она перевязывает мне раны, краснеет и часто дышит, светлые, еле заметные волоски на руках стоят дыбом. Девчонки всегда так на меня реагируют. Наверное, моя кожа источает неизвестный науке, дурмнящий яд.

Проигнорировав утренний будильник, поворачиваюсь на другой бок и нахлобучиваю на голову одеяло, но яркие, навязчивые сны лишь усугубляют разбитость. От «княжеского» пошла ломит в висках, лицо опалает духотой, и я разлеплю глаза. Обе стрелки настенных часов указывают в небо.

Грудь наполняет тяжелая свинцовая муть — в эти минуты вся моя бывшая тусовка находится на кладбище. Кнопку предают земле. Мне нельзя там показываться, и нет возмож-

ности сказать ей — только ей, — как же сильно, невыносимо и искренне мне жаль... Откидываюсь на каменную подушку и, глядя в серый потолок, реву как девчонка.

— Прости, Кнопка. Прости, что не ценил и не осознавал. И ничего уже не исправить... Как же все тупо...

— Ты чего, Владик? — Из-за шкафа появляется встревоженный Князь и, хрустя суставами, садится на мой продавленный диван.

— Вилы, дед. Умер друг. — Я вцепляюсь в растянутый рукав дедовой тельняшки, и меня прорывает:

— Как мне вывезти?! Зачем жить дальше?!

— Просто делай, что должен, — вздыхает он и проводит жесткой рукой по моей голове. — То, что подсказывает сердце. Ты очень хороший, добрый мальчишка. Постепенно и ты выйдешь на правильный путь. Я верю: тебя найдет свет.

Мы до вечера разгадываем его любимые сканворды и смотрим какую-то лабуду по телику. Жую лапшу из бич-пакета, запиваю водой из-под крана, понемногу свыкаюсь с потерей и как обычно кайфую от окружающей нищеты, но проклятый айфон просыпается и немилосердно напоминает, что я — всего лишь приспособленец, конформист и мажор.

— Алло? — Я готов послать Энджи на три буквы, но вовремя понимаю, что из трубки раздается не ее голос.

— Это Варвара! — торжественно картавит неведомая собеседница, чем несказанно озадачивает.

— Кто?

— Конь в пальто!.. Староста твоей группы! Персонально обзваниваю наших, по списку ты второй. Тебя не было, а мы с ребятами решили организовать совместную гулянку, пообщаться в неформальной обстановке и получше познакомиться! — Ее тон по-настоящему пугает. Интересно, кто-то кроме нее еще употребляет слово «гулянка»?

Намереваюсь заговорить старосте зубы и слиться, но внезапно ее предложение перестает вонять тухлятиной.

Девчонка с синими глазами будет там. А мне позарез нужно к ней еще раз присмотреться.

Глава 12. Эрика

С самого пробуждения я занимаю себя делами: подметаю пол, вытираю пыль с полок, проверяю рюкзак, утюжу брюки. Отвлекаясь на чисто механические действия, легче принять простой и ужасающий факт: через пару часов мир навсегда попрощается с Кнопкой.

Еду в маршрутке со злой решимостью заглянуть в глаза этому бездушному чудовищу Владу, вклеить ему оплеуху и высказать все, что я о нем думаю, но, войдя в аудиторию, ахаю от разочарования: его место пустует.

Вряд ли он сунется к семье Дины. И вряд ли скорбит настолько, что не нашел сил подняться с постели. Может, снова пьет... Или спит в объятиях очередной влюбленной дурочки.

Плевать.

Одногруппники кивают мне, и я улыбаюсь:

— Доброе утро!

Располагаюсь за партой, с облегчением расправляю плечи и без стеснения рассматриваю ребят. Они крутые — раскованные, шумные, яркие. Я завидую им, но только потому, что стремлюсь к такому же уровню свободы.

Костя презирал окружающих, хотя иногда мне казалось, что причина подобного поведения — его боязнь опозориться и быть осмеянным.

— Как тебя зовут? — раздается над ухом приятный, чуть

насмешливый голос, и я буквально зависаю: развернув пустой стул Влада, ко мне подсаживается тот самый классический голливудский красавец с пшеничными волосами и глазами василькового цвета.

Быстренько собираю волю в кулак и ничем не выдаю волнения:

— Эрика Александрова.

— Елистратов Макар. — Он протягивает большую красивую руку. В моей прошлой жизни было бы страшной ошибкой ответить на его жест, и я, затаив дыхание,жимаю теплые пальцы.

Я жду урагана эмоций, потрясения, как от контакта с Владом, но чуда не происходит: с тем же успехом можно потрогать подлокотник кресла или полу бархатного пиджака. Ситуацию не спасает даже широкая улыбка Макара.

— Очень приятно. Ты откуда, Эрика? — Парень проявляет неподдельный интерес, и это льстит. Я как будто вижу себя со стороны и не верю в происходящее: настолько оно нереально. Отвечаю, что из Москвы, Макар, присвистнув, двигается ближе. Я еще не знаю, как правильно реагировать на внимание красавца к моей скромной персоне и не сразу подыскиваю нужные слова. К счастью, в аудиторию входит пожилой энергичный преподаватель, и студенты живо рассказываются по местам.
Макар тоже поднимается и уходит, но, оглянувшись, хитро и многообещающе подмигивает.

После пар за кафедру взбирается полноватая взъерошенная девчонка с фиолетовыми прядями на висках и, картавя, обращается к народу:

— Я Варя, ваша староста. Предлагаю отпраздновать начало учебы и приглашаю вас в гости! Отказы не принимаются! Чтобы не соскочили, после пар обзвоню лично!

Ребята радостно улюлюкают, хватают вещи и разбегаются в предвкушении скорой встречи, а я всю короткую поездку до дома размышляю о прошлом и настоящем.

Стоит ли говорить, что я ошеломлена скоростью развития событий. Чуть больше недели назад я боялась дышать, сидя рядом с Костей у монитора его компьютера, а теперь собираюсь на ночную вписку с ребятами из группы. Туда придет успешный и популярный парень, явно настроенный на дальнейшее общение. И этого придурка Влада там не будет.

 С каждым днем я все яснее осознаю, насколько ущербной была моя жизнь, и как легко, всего лишь принятием одного верного решения, стало возможным ее изменить. Но там, внутри разрушительных, токсичных отношений все казалось логичным, правильным и единственно возможным. Костя внушал:

«Ты никогда меня не предашь...»

И я не могла предать.

Бунтовать и заявлять о своих желаниях я тоже пробовала, и тогда над головой с угрожающим свистом пролетали тарелки или книги. Костя неделями изводил меня молчани-

ем, и я страдала от острейшего одиночества и страха перед огромным миром, в котором непременно сгину без его поддержки. Потом Костя менял гнев на милость и даже иногда извинялся, и все начиналось сначала.

Мне не с чем было сравнивать. Казалось, все люди проходят через темные и светлые полосы...

Мы выросли, и Костя позволял себе все больше грубости в мой адрес.

Но черту, за которой разверзся ад, он переступил после выпускного.

Костя сам выбрал для меня платье и туфли, и был удовлетворен моим внешним видом, а я сторговалась с собой на том, что выгляжу под стать надежному, серьезному и импозантному кавалеру в сером мешковатом пиджаке. Но от разочарования хотелось разреветься.

В ресторане ко мне подошел парень из параллельного класса — новенький, не успевший до конца разобраться в школьных социальных связях, и пригласил на танец. Естественно, я отказала, а Костя еще долго веселился:

— Правильно, золотце. Ты все верно сделала. Не забывай, какое уродство у тебя на шее. Если какой-нибудь залетный парень это увидит, он не сдержит эмоций и обидит тебя. Только я безоговорочно тебя принимаю и всегда поддерживу.

Мы вернулись домой на рассвете — ноги гудели от прогулок по ночной Москве, глаза слипались, хотелось спать. На площадке у наших дверей Костя наклонился и загадочно

прошептал мне на ушко, что теперь меня ждет сюрприз.

— Золотко, я знаю, что бываю слишком резок и буквально съедаю себя за это. Мне тоже плохо от наших ссор. Но мы приняли решение быть вместе, и я хочу, чтобы эта ночь навсегда осталась с нами. Зайдем на минутку? — Он завел меня в свою темную прихожую и щелкнул выключателем. На ковролине — от порога до его комнаты — пролежала дорожка из розовых лепестков, и до меня дошло, к чему он клонит.

Он потащил меня к себе и толкнул на кровать, стянул чертовое платье, с треском швов вывернулся из пиджака и сорочки и, хрипя и шумно выдыхая, принялся судорожно на мне елозить. Я превратилась в неподвижную деревянную куклу, закусила губу и закрыла глаза — их жгли слезы. От омерзения и ужаса к горлу подступала тошнота. Все вокруг твердили, что мое будущее предрешено, и оно рядом с Костей. Что он — идеальный для меня вариант...

Он развел мои ноги, навалился сверху и вдруг замешкался. Выругался, сел на край матраса и уставился в одну точку.

Я бросилась его утешать: клялась, что никому не расскажу об осечке и мы обязательно попробуем снова, как только он отдохнет.

— Заткнись, — процедил Костя сквозь зубы, и тут же поддых прилетел чудовищный, разламывающий кости удар. Я задохнулась и развалилась на части, а когда наконец смогла глотнуть спасительный воздух, Костя как ни в чем не бывало улыбнулся и предложил попить чайку.

Я стала свидетелем его позора, несостоятельности, слабости, и он вознамерился меня уничтожить. Цеплялся к любой мелочи, раздувал дичайший скандал, а потом в ход непременно шли кулаки.
 Наши матери весь отпуск отдыхали на загородной даче, и мне негде было спрятаться. Вытерпев несколько экзекуций, я озверела от гнева. Решилась попросить помощи у посторонних людей, и откликнулась Кнопка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.